

Алексей Серов

Рыба без головы

От автора.

В свои двадцать три года, я знаю очень мало. Например, я так и не понял, попадают ли кошки и собаки куда-то после смерти? Испытывают ли они «Чувства»? Что играет большую роль: имя автора или его талант? И многое другое.

Известно мне немного, но из этого немногого, я могу заключить, что рыба, а в частности, рыба без головы - есть символ отчаяния и первозданного горя. Она, будучи всю свою недолгую жизнь в постоянном и неустанном движении, безо всякой цели и причины, в одночасье теряет голову.

Будучи постоянно занятой лишь движением своего плавника и рта, она проживает совершенно глупую и по-настоящему бессмысленную жизнь.

Спасибо.
Серов Алексей Викторович.

Весь вечер^{ТЫ}
ТЫКАЛА

В СПИНУ,
КОСТЛЯВЫМ^{СВОИМ}
«ТЫ».

Урчала^{МНЕ}
НЕЖНО

рыба,
Рыба
без
ГОЛОВЫ.

Рассказы

Эскалатор.

Врач смотрел на меня с недовольством. Он думал, что я либо вру, либо снова пытаюсь сменить тему. Его старомодные очки в белой, пластмассовой оправе падали на кончик носа и он небрежно их поправлял.

- И что же? Что это меняет?

- Многое. Мне стоит выполнить свое дело, хотя бы ради него. - Сказал я и стал ждать реакции.

- Ах, ваше дело... - затянул он с укором. Он хотел спросить меня из простого человеческого любопытства, что это за дело - лежать весь день в одинокой комнате, но, то ли от того, что его окликнули из коридора, то ли от того, что он вспомнил, что я больной - поспешил выйти, не задавая более никаких вопросов.

В голове у меня все путалось. Мысли накладывались одна на другую, кружили около моей головы и, толкаясь, влезали внутрь. Временами, правда, им

становилось отвратительно в пустой, глупой моей черепушке и они так же поспешно, не прощаясь и не формируясь до конца, выбегали прочь.

В коридоре, прямо у входной двери, стоял мой дядя и давал команды молодому врачу. Из своего угла комнаты я слышал прекрасно каждое слово.

- Вы бы присмотрели за ним. - Говорил дядя. - Мы не можем его с собой взять. Нужно будет много разъезжать. Придется его оставить здесь.

- А как же я? - возмущенным тоном спрашивал тот, молодой, что только что со мной беседовал.

- Вас мы тоже здесь оставим. Ну, вы не переживайте! Вам здесь сохраннее будет.

- Ну как же так! Вы меня здесь бросаете, когда под окнами... - он посмотрел в окно, на его счастье, неподалеку раздался выстрел, и он смог горячо прокричать, указывая в сторону грома, разливающегося по стенам домов,- война!

- Никакая там ни война. Вы, голуб-

чик, не знаете, и я не знаю, что это, и как долго продлится. Известно только, что вас мы подставлять никак не можем. Вы очень талантливый врач, и потому лучше вам посидеть здесь, в безопасности.

- Ох... – лишь просипел молодой.

- Все будет хорошо, - улыбнулся дядя,
- И еще: не отвязывайте его. - Сказал он и указал на меня, лежащего на кровати. - Ни он, ни я, вам спасибо за это не скажут. Все ясно?

- Вполне. - Грустно ответил молодой.

Я даже хотел оскорбиться. Правда, мы так много времени провели вместе. Он постоянно приходил, что-то расспрашивал. Несколько раз даже приходил с коллегами по университету, рассказывал обо мне, думая, что я ничего не слышу. Закрывался с ними в своей комнате и говорил, что я больной. Потом была особенно смешно видеть лица коллег, пробежавших мимо меня в туалет или на кухню: на бегу, делая вид, что вовсе на меня и не смотрят, а просто идут мимо, косятся на мою кровать. Дядя

говорил им, что я - чокнутый.

Но! Я не оскорбился. И никогда не оскорблялся. Я знаю, что в глубине души он поверил мне и теперь, к сожалению, начал пугаться меня. С самого первого дня Волнений на улицах, когда люди только кричали, собравшись, еще ничего не разбивая и не взрывая, дядя пришел в мою комнату. Он стоял в дверях, не издавая ни единого звука. В тишине, создавшейся в ту минуту, я отчетливо слышал его беспокойное дыхание.

Именно в ту минуту он засомневался: на самом ли деле я сумасшедший. В душе я ликовал, как ликую и сейчас, от одной мысли, что мне поверили. Хотя, по большому счету, это не так важно. Всего важнее мое дело.

Молодой врач проводил дядю. Он медленно шагал вслед за ним по коридору, периодически вздыхая, словно хотел что-то сказать. Я прокричал «до свиданья», но в ответ услышал только, как шаги его ускорились и каблуки черных, кожаных туфель унесли его прочь.

Врач, брошенный своим знакомым, прошел мимо моей комнаты, заглянул внутрь. Это привычка ординатора, оставшегося в смену одному - еще раз осмотреть всех бегло и напомнить, что сегодня дежурит именно он.

- Мы с вами вдвоем остались. - Сказал я.

- Это ненадолго. - Ответил врач. - Скоро все кончится и пациентов вернут на свои места.

- Ничего не кончится. Все будет только хуже. - Сказал я. - вы разве не видите, что с каждым днём все хуже. Вчера она громили магазины, магазины кончились, и они принялись громить дома. Скоро кончатся и дома.

- Хватит. Не волнуйтесь, все будет хорошо.

Он сам не верил ни единому своему слову. Он говорил эти вещи как факт, как нота бэнэ. Но сам в них не верил. Ох, как тяжело же ему придется. Он будет сидеть в дядиной комнате, и его счастье, если там найдется любимый дядин коньяк, так ему

будет хоть немного легче.

- Я еще проверю вас, - сказал врач и прошел в дядину комнату.

Бедный, бедный доктор. Наверное, он еще слишком молод для этих вещей. Для правды, для борьбы за нее. Вероятно, он сам еще не укрепил в себе веру и силы. Вот и несладко же ему будет. А самое дурное во всем этом, знаете ли, то, что ведь он так и умрет в сомнении. Сколько раз я предрекал своим родным, как будут развиваться события. А они продолжали смеяться надо мной и кормить, привязывая к кровати. Я говорил им, что Зло, самое настоящее Зло в чистом виде выйдет на улицы и начнет свои черные, мерзкие дела. Что сперва это будет простым дебошем, бесчинствами, а потом польется много крови. Потом все умрут, вне зависимости от того, верят они мне или нет. Единственное спасение, не переставал говорить им я, моя миссия.

А врач умрет в сомнении - а это страшнее всего. Умереть от ножа в переулке или от гриппа - не так страшно.

Но когда ты не знаешь, правду ли говорит человек в соседней с тобой комнате, если правду - то вы спасены, но если врет, то умрете. Вот это страшно. Я прекрасно его понимаю. Это вполне понятный и естественный процесс, сомнения. Вот только сейчас для него времени нет.

**

Молодой врач пытался перебирать бумаги, которые принес с собой, но все валялось из рук. «Мне нужно просидеть здесь всего пару дней и все будет кончено». Врач услышал себя и вздрогнул от того, какие именно слова пришли ему на ум в ту секунду. «Все будет кончено» - он начал оправдываться, что мол, «кончено, для воюющих, придет, наконец, армия или полиция и поставит их на место».

В комнате было тихо и за окном лишь изредка раздавались крики разъярённых людей. То и дело, кто-то из них скандировал «Давай внутрь!» и все бросались в подъезд, и было слышно, как из квартир, на лестничные проемы

выталкивают людей. Слышно как те, кричат от боли, пока их избивают. Крики быстро стихали, удаляясь бесконечным эхом в голове молодого врача. Никто не искал цели что-то украсть из квартир. Ровным шагом, убийцы шли с пустыми руками, по локоть окунув их в кровь.

Врач подошел к окну и осторожно, через приоткрытую штору посмотрел во двор. Он насчитал тридцать шесть человек.

Собравшиеся, как заметил врач, были крайне возбуждены: не могли найти себе место, часто дышали. Они вытирали кровь с кулаков о куртки и горячо рассуждали о твердости черепов жильцов этой улицы.

В дядиной комнате оказался коньяк. В подарочной упаковке он стоял у окна, на подоконнике. Выпив несколько стаканов залпом, врач уснул.

**

Я совершенно отвык спать без таблеток. Обычно, мне давали их как раз в это время, и я спал беспробудно

и спокойно. Сестра, что ухаживала за мной вплоть до собственной гибели, брат, сбежавший от меня при первой же возможности, теперь дядя – все давали мне лекарства в определенное время. Сегодня мне придется всю ночь слушать, как прямо под моим окном орудуют группы этих мародеров и терзать себя мыслью, что я никак не могу это остановить.

Дядя просто не смог бы находиться со мной так близко остаток дней. Я бы каждую минуту без устали твердил ему, что я прав. Это точно. Я не смог бы удержаться. Он бы слушал меня до тех пор, пока не сдался, и не отпустил восвояси. Тогда бы я все исправил.

Единственное, что доставляет мне сейчас неудобство, так это голод. Ох, как бы мне хотелось перестать его испытывать. Голод просто вреден мне, как человеку, который знает, что должен делать. А я прекрасно знаю.

**

Врач проснулся к обеду. Голова была

пустой. Желудок гудел после коньяка.

Обнаружив себя в незнакомой квартире, врач некоторое время вспоминал, лежа пластом на ковре, что он тут делает. Убедив себя, что это не сон и не выдумка и что единственные, кто мог бы ему помочь, бросили его здесь на погибель, он пригубил еще немного коньяка. Странно, но вчера он пришел сюда, в эту квартиру за помощью. Он пришел к своему преподавателю, чтобы укрыться от царившей вокруг злости. Преподаватель любезно угостил его чаем и убедил, что остаться в квартире наедине с его безумным племянником – будет лучшим спасением.

- С вами все в порядке? – спросил он, заходя ко мне в комнату.

- Добрый день, доктор. – Улыбнулся я. – со мной все хорошо. Как вы?

- Вы голодны? – спросил доктор, сохраняя крайний формализм в голосе.

- Да. – Уже без улыбки ответил я.

- Сейчас.

Доктор принес несколько булочек с

кухни и два стакана воды. Поставив все это на столик около моей кровати, он принялся отщипывать от булки большие куски и класть мне в рот.

- Столько вы тут? – вдруг спросил врач.

- Не понял. – Ответил я, прожевывая булку.

- Привязаны, я имею ввиду. Сколько вы привязаны?

- Сколько лет я болен? Вы ведь это хотели спросить?

- Да.

- Два года.

- И вам стало лучше? – спросил врач.

- Конечно. – Ответил я.

- Какой странный ответ. – Заметил врач и жестом предложил воды.

- А чего вы ожидали? – ответил я и кивнул.

- Не знаю. Наверное, из-за всего этого переволновался, поэтому спросил.

- А вы знаете, что происходит? – уточнил я.

- Нет. Пожалуйста, не сейчас. Ладно?

- умолял врач.

- Я ничего не хотел вам доказывать. Просто отметил, что все вокруг говорит о том, что я прав. Тут даже доказывать нечего. Дядя понял это и ушел. Прислал вас. Знаете почему? Потому что им тоже овладело Зло.

- О чем это вы? - безучастно спросил врач.

- Он оставил меня здесь, чтобы эти гады растерзали меня прямо так, привязанного к кровати. Но, все должно быть не так, - покачал я головой.

- А как должно быть?

- Я должен пожертвовать собой. Должен самовольно пойти вниз и пожертвовать собой. Если они найдут меня вот так, - я кивнул в сторону простыней, туго покрученных вокруг моих ног и рук, - все пропало. Тогда Зло победит. Понимаете? Я знаю, что вы понимаете. Но вы не верите мне. Вас тоже привели сюда специально.

- Дядя?

- Да. Он привел вас, потому что вы

не поверите мне. Вы хотите стать успешным психиатром, может быть, открыть частную клинику, поэтому вы не станете идти на поводу у меня. Дядя поверил. А вы, всего лишь сомневаетесь, а этого мало.

- Я верю вам. – Он даже не слушал меня. Вычленил из моих слов только вопрос, ответил на него и продолжал отрывать куски булки, после складывая их мне в рот.

**

Солнце скользило по комнате, не задерживаясь особенно, ни на чем. В наступившей тишине, движение моих челюстей особенно выделялось. Врач что-то спрашивал о моей семье, но мне не хотелось отвечать. Я сказал только, что отец велел мне выполнить мое предназначение и отправил меня сюда, в это место. Отец велел мне принести себя в жертву. Врач, конечно, не стал понимать это буквально, связывая воедино, и профессионально структурируя мой бред. Ему казалось, что это самый, что ни на есть, правильный шаг.

- А ваша семья? – спросил я его.
- С ней все в порядке. – сухо
улыбнулся врач.
- С ней? – переспросил я.
- С семьей, я имею в виду.
- Я подумал, вы говорите о женщине.
- Нет, о семье.
- А как же они? Они ведь погибнут,
так же, как и все. Вся ваша семья.
- Никто не погибнет! – вспыхнул врач.
- Ладно. – Не было смысла сейчас
переубеждать его. Нужно было время,
чтобы он поверил мне. К сожалению,
времени не было.

**

Во дворе снова собрались люди. Врач начал волноваться, услышав, что они стоят прямо под нашим окном. Очень громко что-то обсуждая, они передавали бутылку из рук в руки, споря о том, кто будет бросать.

Человек в кожаной куртке вырвал бутылку из рук одного из толпы, поджог ткань, вставленную в горлышко, и бросил прямо в окно нашей комнаты.

Врач следил, не отрывая взгляда, за траекторией полета бутылки. Что-то внутри него подсказывало, что бутылка попадет точно в окно, но он все смотрел, за тем, как она летит, словно комета с огненным хвостом.

- Уходите оттуда! – крикнул я врачу.

Встрепенувшись, доктор бросился к моей кровати и стал двигать ее к выходу.

Бутылка разбилась о стекло, охватив его прекрасным огненным приливом. Откинув голову, я смотрел с удовольствием, как огонь постепенно, переходит внутрь комнаты.

Кровать оказалась слишком тяжелой и единственное, что оставалось врачу – это отвязать меня.

Он взялся за одну простынь, что держала мою правую руку, и посмотрел пристально мне в глаза.

- Не сейчас. Я сделаю это не сейчас. – Успокоил я врача.

Услышав то, что хотел, доктор отвязал все простыни, скручивавшие мои руки. Для него все узлы были знако-

мыми, тысячу раз, он видел такие на своих пациентах, на пациентах своих преподавателей, в учебниках. Огонь уже подступал к моей кровати.

- Доктор! Помогите! – кричал я врачу.

Он, верно, забыл, сколько я пролежал без движений, потому безо всякой мысли бежал прочь из комнаты. Услышав меня, он вернулся и взял меня под руку.

Медленно, осторожно, мы выбрались в дядину комнату. Врач закрыл за мной дверь. Мы оба, в этом я точно уверен, понимали, что все кончено. Теперь-то, он не сможет отрицать ничего.

**

- Вы же понимаете, что это конец? – спросил я, с огромной болью разминая руки и ноги.

- Ничего не кончено. – Тяжело проговорил врач. – Ничего.

- Через пару минут, мы сгорим. Я должен к ним выйти, - мне не пришлось кричать, я говорил спокойно, полагаясь на его рассудительность.

- Что изменится от вашей смерти?
Поймите, вы так уверены в этом, потому что вы не в себе... - вдруг оборвал себя на полуслове врач.

- А я думаю иначе. Понимаете, это моя миссия – спасти вас, всех вас и моего отца от Зла. Зла, которое уже пустилось в охоту за мной.

- Нет. Они громят все! – спорил врач.

- Но ведь, они не знали, что мы здесь? Они же не забрасывают такими бутылками все дома! – кричал я.

Врач замолчал. Снова, так же, как и вчера, когда он ушел в комнату, он начал сомневаться.

Свет плавно плыл из окна, под углом. В комнате, несмотря на это, было темно. Одна только полоска света освещала часть ковра и делала явной пыль, пляшущую в воздухе.

На мгновение мне захотелось толкнуть врача и показать на это окно и на свет. Тогда он понял бы меня и то, ради чего мне была дана эта миссия.

Я знал, что мне нужно сделать. Так

же отчетливо как в тот день, когда мне пришло озарение о грядущем Зле. Я понял, что мне сейчас сделать.

Аккуратно сняв майку, корчась от боли в руках, я скрутил ее, вытянув за концы, и набросил на шею врача. Его глаза резко открылись и он начал задыхаться, руками пытаюсь оттолкнуть меня. Через минуту-две, он перестал дышать.

Мое сердце колотилось. Мне пришлось вылезти из окна. Спустившись по запасной лестнице, я увидел человек тридцать пять. Они ждали меня. Хотели застать врасплох, собравшись у главного входа. Они даже не видели меня, я обошел их со спины.

- Эй. – Сказал я негромко.

Они обернулись. Руки их были по локоть в крови, а глаза безобразно бегали, цепляясь за все, пока еще живое.

Я бежал за тобой
репродукторами,
Одно и то же крича,
Одно и то же:
«Я прошу, не водись
с придурками,
Я в ответ обещаю
то же».

Рудименты

Повесть.

Пишущая машинка (благодарности).

Даша хоть и считает машинку моей любовницей, бдительно следит, чтобы страниц этак 5 в день были готовы, и чтобы при этом ничто не мешало процессу. За это я дарю ей слова благодарности.

Мои немногочисленные, но близкие до атомов, друзья, которые, надрываясь, несли пишущую машинку мне в подарок, что хоть и было преисполнено шуткой, явилось величайшим признанием. Спасибо Вам.

Мои Мама и Папа хранили машинку в минуты тяжелейших мук - это стало главным признанием. Огромное спасибо Вам.

Моя кошка, пристрастившаяся вырывать напечатанные листы, а это тоже

что-то да значит. Мур.

Спасибо. Без вас мне и строчки не написать: Стас, Рената, Антон, Даша, Паша, Настя, Саша, Эдик, Даша Б., мама, папа.

I

Я сидел в небольшом кабинете с зарешеченными окнами и писал заявление. В другом конце коридора был мой единственный новоиспеченный коллега. У меня тряслись руки, а в желудке творилась странная суета. Хотелось спать.

Вчера, в шесть или семь часов вечера, мне позвонил знакомый и спросил, не хочу ли я поработать. По телевизору в тот момент шла передача о богачах, купающихся в шампанском. Я на них страшно злился.

Что это за работа, знакомый мне говорить не хотел, да и сам не знал толком. Сказал только, что платят вовремя и, вроде бы, по специальности. Он сказал «Работа хорошая, зарплата

исправная». У меня вырвался смешок на обилие «р» у картавого собеседника, но я сдержался.

Из соседней комнаты доносились крики отца и матери. Они сердились друг на друга за что-то малозначительное.

- Хорошо, я согласен, - сказал я знакомому, поглядывая то на телевизор с богачами, то на комнату с родителями.

В тот момент мне казалось, что нет ничего ясного, от того и нет ничего сложного или простого, и что нет такой работы, которая могла бы не устраивать. Мне казалось, что на любой работе можно найти свои плюсы, ну и «бла-бла-бла». В тот момент мне вообще много чего казалось.

А утром у меня заболел живот. Еда в рот не лезла, но мать настояла, чтобы я поел. Сказала, что весь день еще на работе голодом буду сидеть.

- Так я же только узнать про работу! - спорил я.

- А может, тебя сразу и устроят! Здорово же будет, правда?

Отчего-то она была очень радостной. Она гладила мне рубашку и джинсы, пела при этом песни. А мне было не ясно, что же тут такого веселого?

Мне пришлось поторопить ее с глажкой, хоть и не очень хотелось. Я оборвал ее на полуслове очередного шлягера, сославшись на автобус.

Порхая, она дала мне рубашку, джинсы и вернулась в кровать. Ей можно было поспать еще полтора часа.

В своей комнате я открыл окно и вместе со звуками, свежестью и приятной прохладой, квартира постепенно наполнялась утром. Несколько минут я стоял неподвижно, кажется, даже с закрытыми глазами, то ли уснув, то ли просто наслаждаясь медленными и ровными глотками чего-то нового. Меня разбудила мать, вернувшаяся, чтобы «еще раз поцеловать тебя и сказать, какой ты у меня молодец, что устраиваешься на работу».

Мне было не по себе. Открыв глаза и обернувшись посмотреть на мать,

я снова подумал о ее радости. Затем, резко оборвав собственную мысль, я почувствовал изжогу и вышел в коридор. За несколько секунд завязал шнурки, сказал, что постараюсь произвести хорошее впечатление и вышел.

Мать закрыла за мной дверь. Пока я спускался, пальцы безо всякой команды, выудили из кармана сигареты, спички, и, выйдя на улицу, я закурил.

Прекрасное спокойное утро. Деревья чуть поблескивали от восходящего солнца, и каждая веточка на фоне сиреневого неба казалась чрезвычайно контрастной и наведенной на самую верную резкость. Остановившись у подъезда с сигаретой в зубах, я смотрел на высокие тополя, верхушками щекотавшие балконы двух соседних пятиэтажек, что выставлены лицом друг к другу. Белые у основания деревья медленно покачивались под прохладным ветром, еле слышно вздыхая. Глядя на их мерный сон, и улыбаясь, я медленно шел на остановку.

Знакомый сказал мне, что нужно доехать до «Светланы» и немного пройти по дворам. На словах все выходило крайне просто:

- Там через дворы пройти до углового дома, за него свернуть по дороге, но можно и прямо, а потом налево до киоска. Потом в здание бывшего детского сада... - я насчитал шесть «р», но так и понял куда идти. Пришлось переспрашивать.

За остановкой «Светлана» оказалось пять детских садов, из которых четыре — различного профиля организации.

Следуя схеме, я прошел от остановки через дворы, до углового дома, за него не свернул, а пошел прямо и налево до киоска. За киоском стоял серый, обнесенный забором детский сад. Конечно, бывший детский сад.

За парадной дверью, шагах в двадцати, сидела толстенная баба. С ног до головы изучив меня, она заключила:

- Нечего тут ходить. - Злобно так посмотрела из под очков.

- Я насчет работы.

- Какой еще работы? - толстенная баба сдвинула очки в красной пластмассовой оправе на переносицу, и посмотрела на меня еще строже.

- Видите ли, я не знаю, туда ли я пришел. - Я крутился на месте под тяжестью ее взгляда.

- Если не знаешь, зачем тогда говоришь, почему пришел? - Бессмыслица какая-то.

- Скажите, пожалуйста, это Пионерский 30? - я потянулся в карман за бумажкой с адресом, чтобы сверить названный адрес.

- Нет. - Толстенная баба в ту же секунду потеряла ко мне всякий интерес.

- Тогда до свиданья.

На улице я утешал себя мыслью о том, что такое может случиться с каждым. «И в этом — говорил я себе — нет ничего дурного или постыдного. Люди имена путают, числа, а тут всего лишь адрес».

Чуть взволнованный я шел обратно на остановку, чтобы восстановить маршрут и понять, где я совершил

ошибку.

«От углового дома можно свернуть и пройти по дороге».

Солнце с высоты миллиона километров плавило мои волосы. Подмышки вспотели, что выбивало меня из колеи. Было неприятно опускать руки вдоль туловища, рубашка собиралась и отдавала влагой.

Остановившись, я глупо вертел головой. Киоск, до которого я дошел, был точной копией предыдущего. Здание бывшего детского сада не отличалось от того, что я видел прежде, и было обнесено точно таким же забором из тонких железных прутьев, слитых в решетку.

У входа в здание, на этот раз, было много народу. Все курили и часто смотрели на часы. Пройдя мимо них, приблизившись к парадной двери, я отдернул рукав рубашки и посмотрел на часы - 8.25.

Крупный парень с большим животом посмотрел на меня с уважением, словно я сделал что-то, что отличало их компанию

и в чем они видели эталон смелости и чести. Я кивнул ему, как сделал бы это ковбой или рыцарь, медленно и не останавливаясь, лишь слегка замедляя шаг, и открыл парадную дверь.

Недалеко от входа стоял письменный стол, а на нем настольная лампа.

Девушка лет двадцати пяти, завидев меня, оторвалась от работы и произнесла тонким, тихим голосом:

- Мы еще закрыты. Рабочий день с 8.30. - из ее уст это звучало волшебным. За двадцать шагов, что нас отделяли, смысл ее слов под действием пьянящей магии тонкого голоса перевернулся и предстал для меня, как «Давай, сбежим отсюда. Давай, унесемся на катере или на гондоле куда-нибудь очень далеко. Давай, улетим на марс вместе. Только подожди до 8.30».

- Да я хотел спросить просто. Я насчет работы и не знаю куда обратиться. - Почему я не согласился на ее уговоры выкрасть ее? Честно, я просто надеялся, что мои слова тоже как-нибудь видоизменяются за двадцать шагов.

- Наверное, вы не туда попали. А вам какая организация нужна? - в ее голосе, на этот раз, звучало разочарование.

- Я только адрес знаю: Пионерский
30.

- Нет, не то, к сожалению. - И девушка улыбнулась.

Свет от настольной лампы падал сбоку, заостря кончик ее носа. Признаюсь, в тот момент я подумал, что никогда больше не встречу в своей жизни девушки с таким краешком носа. И мне хотелось бесконечно смотреть на ее улыбку, на то, как она, раскрасневшись от моего навязчивого присутствия, листает газету. На то, как она встает за кофе и как свет настольной лампы медленно ее отпускает, перетекая по лицу и одежде. На то, как она протягивает парню с большим животом, вышедшему из-за моей спины, журнал для регистрации.

Теперь, когда я это пишу, когда смотрю на слова, что выбрал, вижу их переплетение между собой на листе — они кажутся мне избитыми

и услышанными уже где-то ранее. Поверьте, в то самое мгновение истинным моим желанием было стать желтым светом настольной лампы этой девушки. Я хотел, чтобы несколько раз в день это создание будило меня для того, чтобы я медленно скользил по ее одежде и чертам лица, наслаждаясь краешком ее носа. И конечно, никого кроме меня, для нее бы не существовало, а она сама даже и не знала бы обо мне.

- Простите. - Запинаясь от долгого молчания, проговорил я, подходя к ее столу все ближе.

- Да? - она снова мне улыбнулась, наверное, радуясь, что я истолковал первые ее мысли о похищении правильно, и что они трансформировались под верным углом и расстоянием в двадцать шагов.

- Я хотел бы стать...- на мгновения я задумался. В следующее — развернулся и убежал.

- Она что-то говорила мне вслед, но угол и расстояние были совершенно не-

верными и слова ударялись мимо, пролетая словно снаряды, пущенные наотмашь.

Все, кто стоял на улице и курил, и поглядывал на часы, уже разошлись по своим кабинетам, поэтому во дворе перед входом было тихо. Я встал спиной к зданию, и пальцы выуживали из кармана сигарету и спички. Жара плавилась асфальт, превращая его в черную липкую массу. Курить на такой жаре невыносимо, поэтому я стал искать подходящую тень.

По правую руку от входа были аккуратно посажены несколько тополей. Метров пятнадцать в высоту они создавали невероятно плотную тень, стоя в которой можно было на время забыть о жаре.

Мне нужно было найти место, где будет собеседование. Четыре практически одинаковых в округе бывших детских сада, и в одном из них меня ждут. К каждому из этих зданий ведет одна и та же дорога: от остановки через дворы до углового дома, за него можно свернуть, а можно пойти прямо и налево до киоска.

Я курил, наблюдая, как опоздавшие медленно заходят на работу, напоследок, окидывают взглядом тополя и щурятся солнцу.

Перед глазами у меня была мать. Она радостно гладила мне рубашку и джинсы, напевая мелодию из советского фильма о любви. Она приговаривала «Ты у меня такой молодец, сегодня ты устроишься на работу». Она целовала меня в щеку, спешно стирая влагу, оставленную поцелуем.

Некоторое время я стоял в нерешительности и странной задумчивости, вспоминая мать. Поискав взглядом урну, я щелкнул ногтем большого пальца о мякоть указательного, отправив остатки сигареты в траву. Оставалось еще два здания из четырех. В каком-то из двух меня, должно быть, ждут и уже готовят рабочее место. Знать бы вот точно в каком, чтобы перед входом успеть посмотреть на птиц и солнце.

Перед третьим зданием моя рубашка окончательно промокла от пота. В

ботинках был пожар, а джинсы то и дело липли. Я в тот момент думал о странных вещах: когда в книгах читаешь о поте, это кажется простым и до того понятным, что голова не воспринимает эти строчки и наскоро пробегает их мимо; когда же твои ботинки служат для тебя адом сорок третьего размера — восприятие несколько меняется.

Автомобиль, решивший меня обогнать, поднял в воздух столп пыли.

Третье здание было точной копией двух предыдущих, как вы верно могли предположить. Не было, правда, забора. Этот недостаток с лихвой восполняли три парадных входа. Предполагаю, бывший детский сад был скуплен и расхвачен на три части. Каждый из хозяев решил сделать собственный вход.

Средняя дверь из потертого поблекшего от солнца дерева мне показалась самой удачной для того, чтобы испытать судьбу.

Внутри, меня встретил узкий коридор, уходивший вдаль по обе

стороны и стойкий запах гниения. Пол был устлан ковром, давно потерявшим свежесть и парадный вид.

Покрутившись немного у входа, я прошел дальше, двигаясь на единственные звуки, что доносились из правого конца коридора. Там, в небольшом кабинете, большую часть которого занимал стол, сидела женщина лет тридцати. Отодвинув клавиатуру вправо, она накручивала бигуди, периодически отрываясь на остывающий по виду чай.

- Вам помочь? - неохотно спросила она.

- Я... - засмотревшись, как ловко она накручивает прядь волос на пластмассовую трубочку, я забыл зачем пришел.

- Вы что ищите? - Она явно злилась, и от злости прядь не удавалось закрепить.

- Я насчет работы. - мне, наконец, удалось собраться.

- Секунду. - Она резко подняла голову, словно дикое животное и закричала, - Светлана Николаевна! К вам

пришли!

С другого конца коридора послышалось негромкое восклицание, а после довольно громкие шаги.

- Здравствуйте! - бойко начала толстенная женщина с щербинкой. - Вы к нам насчет работы!

В ее словах, между прочим, и правда не было ничего вопросительного, она утвердила (или знала наверняка?) цель моего визита.

- Нам требуется молодой, уверенный в себе, исполнительный работник. Вы, кстати спросить, уверенный в себе, - криво улыбнувшись, я кивнул, - Вот и славно! Наша компания очень быстро развивается, поэтому у вас есть шанс привести ее на вершину успеха. Согласитесь, довольно лестная мысль, что ты сам привел компанию к величию? Ваш рабочий день начинается прямо сейчас. Мой помощник Оксана вам поможет оформить заявление. Мне же нужно идти.

Оксана тяжело вздохнула несколько раз; мне захотелось извиниться, не знаю

только за что.

- Вот, - на выдохе произнесла она и протянула мне стопку бумаг. - Вы где будете заявление писать: здесь или у Светланы Николаевны?

- Я, пожалуй, пойду к Светлане Николаевне, если вы не против.

- Да, да. Иди. - И она снова взялась за кружку с чаем.

Коридор казался долгим. Бумаги, что дала мне Оксана, то и дело намеревались упасть. Я вспоминал, все ли документы для того, чтобы заполнить заявление, у меня с собой.

В кабинете у начальника стоял стол, шкаф и вешалка для одежды. На десяти квадратах я насчитал пятнадцать стульев. Потом только понял, что стулья были снесены сюда из остальных запертых кабинетов.

На столе, кроме нескольких стопок исписанных от руки бумаг, стояла подставка для ручек и фотография в рамке. Со снимка мне улыбался мой новый начальник в объятиях двух негров

и с изрядно кривыми лицами.

Если посчитать сколько раз я переписывал заявление из-за помарок, то уложился в общей сложности за двадцать восемь минут. Особенно сложного ничего в этом я не увидел. В другом конце коридора Оксана громко вздохнула, и мне снова захотелось извиниться.

Через маленькое деревянное окно, местами потрескавшееся и разбитое, с грязными маслянистыми разводами был виден двор действующего детского сада. Я подошел почти вплотную к немытому стеклу, прислонил ладонь и смотрел, как дети скатываются с железной горки, колотят друг друга и спорят, а затем снова скатываются. Мне стало грустно. Глупо, конечно, ведь я не был снаружи всего чуть более тридцати минут, но мне показалось, что я никогда снова не увижу всей этой красоты воочию. Никогда не услышу полностью, а не через форточку, споры детей. Мне хотелось снова попасть к себе во двор. Побывать около девушки из второго здания и поговорить с ней,

рассказать о глупостях, что царили в моей голове в тот момент, когда я стоял с ней рядом.

- Обживаетесь? - в дверях стояла Светлана Николаевна.

- Ну да. - Поворачиваясь к ней от окна, я все думал. - А почему вы решили, что я пришел к вам насчет именно этой работы? Вы ведь даже ничего не спросили. Может я ошибся?

- Исключено, - в решительности она рассекла рукой воздух слева направо. - Я же сказала, что сразу поняла, что вы мне подходите. Тем более, мы очень быстро...

- Пойдите, - перебил ее я, - но почему вы решили, что меня устраивает эта работа?

- А разве она вас не устраивает?

- Нет, - мне-то, по большому счету было все равно, просто ее уверенность заставляла меня сопротивляться, - Понимаете, мне вчера знакомый позвонил и сказал прийти...

- На собеседование? - улыбнулась она.

- Откуда вы знаете? - получается, что я пришел в нужное место.

- А вы ведь все равно не поверите? Правильно? - она села за стол и с ее лица миг пропала улыбка, оно сделалось серьезным и серым. - У вас два варианта: подписывать заявление или не подписывать его. По условиям контракта нашей компании вы не можете его расторгнуть.

- Как это?

- Если вы решите бросить работу, а я не сочту это правильным шагом — вы останетесь работать. Мне не нравится, когда бросают работу, - с тем же серым лицом проговорила она.

- Все равно не понятно, - я снова повернулся к окну.

- Что именно? - она взяла мое заявление и прочла нарочито медленно, - Антон Геннадьевич.

- Непонятно, туда ли я пришел, - мне самому эти мысли казались странными. В тот момент, стоя у окна, я тянул изнутри клубок. Взявшись за одну единственную ниточку этой работы, я подтягивал клу-

бок до живота, где он болтался болью и урчанием, затем выше к горлу, заслонив собой дыхание.

- Эх, - выдохнул мой новый начальник, - ты ведь даже не представляешь, от чего пытаешься отказаться. Жалеть не будешь?

- Думаю, нет. - Я кивнул ей, взял со стола заявление и вышел, сунув его в карман.

2.

Дома меня встретила мать. Я не стал ей ничего рассказывать, посетовал просто на ошибку знакомого, отправившего меня туда, где никто не требуется. В сущности, говорил я, сегодняшняя поездка не что иное, как случайность, поэтому и волноваться особенно не из-за чего.

В халате и запачканном фартуке поверх она слушала меня и вытирала руки вафельным полотенцем. В уме она, судя по напряженному взгляду, прикидывала факты и, в конце концов, заключила:

- Ладно. Успеешь еще наработаться, – и развернулась на кухню.

Я крикнул ей вслед, что она права. Чрезвычайно права. Что в моем возрасте нужно думать об учебе, а не о работе. Разгорячившись, я заявил даже, что даю себе срок в два года. Ровно через два года от сего дня я буду работать.

Мать была в тот момент страшно занята готовкой, поэтому в ответ лишь звякнула несколько раз поварешкой о кастрюлю. По всей квартире разносился запах свежей еды. Несколько самых разных по своей природе и форме блюд смешались и доходили до меня невероятным оркестром. Борщ, несомненно, играл первую скрипку, а пирог и котлеты с гречкой ему аккомпанировали. В маленькой, неуютной квартире, обставленной слишком смело для ее размеров, всего несколько блюд создавали гармонию.

Вдыхая запахи, я стягивал с себя рубашку, джинсы и ботинки с носками. Прямо в коридоре. Я не смел пройти

дальше, боясь создать неудобство для установившегося до меня меня прекрасно существующего движения воздуха, приносившего из комнаты в комнату скрипку, что исполняли борщ, котлеты, гречку и пирог.

Странно подумать, но сейчас, сидя за много километров, за тысячи морских и сухопутных миль, будучи так далеко от родного дома, я могу прикрыть глаза и услышать тот оркестр. Я всегда считал себя не склонным к меланхолии по родному краю и был убежден, что подобные мысли лишь результат иного рода психологии, но сейчас, вспоминая, как пахнут эти совершенно обыденные, повседневные по тогдашним меркам пирог, борщ, котлеты и гречка, меня наполняет странная сила. Именно сила, потому что мне не хочется плакать и бежать до телефонной станции с требованием соединить меня с родными.

Сила эта, подобна жару, иного сравнения подобрать невозможно. И приводит она меня к пишущей машинке

и страницам этой книги. Именно здесь она преобразуется и, выходя на поверхность, предстает в нечто еще менее объяснимое – в слово.

На следующее утро, запах практически улетучился и я не так остро на него реагировал. Борщ остыл, котлеты почти все съели, а гречка, как известно, в холодном состоянии не желает пахнуть.

Не говоря никому из родных ни слова, я прошел в ванную, умылся, и так же молча, перед телевизором съел завтрак. Жаркое утро ворвалось в открытое настежь окно, представая передо мной криками водителей маршруток и похмельными спорами субботнего утра.

Я подошел к окну, и несколько бабочек, что сидели на раме, упорхнули. Автобусы выстроились в ряд, и водители, воспользовавшись минутой отдыха, бегали по остановке и спорили. По хорошему, каждый из них мог стоять на одном месте, они могли встать, образовав круг или какую-нибудь фигуру еще. Вместо этого они беспорядочно

передвигались вдоль своих рабочих мест и кричали, указывая на колесо, кричали, поднимая вверх канистру с бензином, кричали, показывая на часы. Пассажиры, меж тем, дожидались конца их споров и возможности уехать.

Небо грозило безоблачностью, яркой синевой и огромным оранжевым диском.

Я слышал, как за моей спиной мать постучала в дверь спальни, где отец заперся несколько часов назад. Он ответил ей, чтобы она убиралась, похоже, к черту. Сделав вид, что ничего не слышала, она спросила еще раз, но чуть громче:

- Может, ты хочешь чаю? – и, оставаясь за закрытой дверью, подождала ответа.

- Не хочу, - выпалил отец и продолжил что-то стучать.

Еще немного постояв у двери, мать развернулась и посмотрела на меня.

- А ты хочешь чай? – улыбаясь, спросила она.

- Хочу. – Мне было ее страшно жаль в эту минуту.

Чай и остатки пирога были передо мной на столе, максимум через минут десять.

- Что сегодня будешь делать? – с участием начала мать.

- Не знаю. – В то мгновение я не мог понять серьезен я или зол. – Откуда мне знать.

- Эх, как бы я хотела вот так посидеть. – По телевизору шла передача о путешествиях в Европу. На экране в тот момент был старик, сидящий в небольшом кафе на берегу моря.

- Угу. – С пирогом во рту пробубнил я.

- Как у тебя дела с Тоней?

- Нормально, мам. – Я тяжело, громко и явно переигрывая, выдохнул.

- Ну что, мне нельзя спросить что ли. Один весь день дуется, сейчас еще второй перестанет разговаривать. – Она поправила халат на груди и глотнула чай. Мой, между прочим, чай.

- Ты вроде мне его приносила.

- Прости, могу новый налить. Пить просто захотелось, – и, глядя на мое лицо,

- Пойду все-таки налью новый.

- Нет! – я взял ее за руку. – Не нужно. Я пошутил.

Прожевав кусок, я улыбнулся.

- С Тоней все в порядке, правда. Сегодня пригласила с ее подружкой встретиться. – Мне хотелось реабилитироваться.

- А что ты оденешь? У тебя глаженного ничего нет! – испугалась мать.

- Да не нужно мне ничего гладить! Я смогу сам найти, что надеть.

Телефон потусторонним треском устанавливал возрастающую по глубине тишину, возвращая все на свои места: мать сидела перед телевизором, отец что-то забивал в комнате, а я стоял в коридоре и разговаривал по телефону.

Мы встретились с Тоней, потом, как договаривались, пошли вместе к ее подруге. Ясное, безоблачное небо

сдержало свои обещания, и жара засовывала нас под ватное одеяло. Было нечем дышать и испарения от тел, вещей и домов мерцали в воздухе зигзагами. Мы с Тоней шли в сланцах по раскаленному асфальту, вздыхая, заходя в тень.

Около магазина стояла Женька. Завидев нас, она двинулась на встречу.

В тот день я впервые с ней познакомился. На Женьке тогда были легкие джинсы, мокасины и блузка. Я почти ничего не говорил, слушая, как Тоня и Женька пересказывают истории своих прогулок, посиделок и прочих общих тем. Я знал, что рассказывают все это они по большому счету больше для меня, поэтому слушал я их и не мешал.

Когда мы проводили Женьку и остались с Тоней вдвоем, я предложил ей пожить вместе.

3.

- Мне приснилось, - сказала как-то в утро Тоня, - что у каждого из нас есть сверхспособности. У каждого своя: у меня

были такие тряпки волшебные, которые кидаешь на человека, и он исчезает, - сонная Тонька обильно жестикулировала, отчего я не мог сдержать улыбку, - у тебя веревка была с двумя камнями, которая вокруг ног обвивается и человек падает, у Женьки - способность летать.

Я сказал ей, что сон очень интересный и что по нему можно написать целый рассказ или фильм снять. Тоня приподнялась на локтях в кровати, сохраняя состояние, близкое к сну. Просыпаясь, она некоторое время делала все лежа, словно уговаривая свой сон отступить.

- Ого, - затянула она, - Серьезно, что ли?

- Еще бы, - я уже ставил рядом с ней на столик чашки с чаем.

4.

Официантка с толстыми боками ходила между столиками, а внизу длинной широкой дороги розовел закат. Мы пили пиво в маленьком итальянском

ресторанчике, расположенном на самой оживленной улице. Парусиновые занавески на окнах делали это место островом в тихом океане между многочисленными торговыми путями. Очень тихим и тем самым чарующим островом.

В ресторане играла приятная музыка исключительно на итальянском. Возможно, в самой Италии эти песни давно считаются старомодными, но в России – идут на ура.

Женька кричала во все горло, рассказывая Тоне о чем-то сокровенном.

Глядя на посетителей ресторана, мне на ум пришли два стихотворения, когда-то сочиненных мною же.

Во-первых, я увидел двух молоденьких мам. Они склонились над коляской с малышом, на них были юбки такой длины, что, как мне кажется, малыш плакал из стыда все громче и громче. Так вот:

Две красивые девушки встали,
Говоря по-простому,

Раком.

Любовался я высью далью,

Говоря по-простому,

Закатом.

Во-вторых, за соседним столиком сидела парочка. Мужик прост как трико, пьет себе водку, наливая ее из графина, и ковыряет болячку на левой руке. За правую руку его обвила девушка, склонив голову ему на плечо с блаженным видом, выражающим понимание и искреннюю поддержку в его занятии. Стих №2:

Я тебе говорил о вечном:

О любви и бессмертье души.

Ну а ты продолжал пить водку

И искать в волосах вши.

Затянувшись, я подумал о том, как замечательно у меня получаются стихотворения. Мне вдруг стало приятно даже от того, что я владею таким талантом.

- О чем думаешь? – Женька легонько толкнула меня в плечо и улыбнулась.

- Ничего особенного, - я осмотрел их кружки с пивом и заключил – Пойдемте

отсюда.

Тоня и Женька подняли бокалы до уровня глаз, пригляделись к оставшемуся на дне пиву и поморщились. Самое вкусное они уже выпили.

А вокруг – красота: кожаные диваны, столы с красными скатертями, итальянская музыка, неспешность света ламп под трехметровыми потолками.

Мы оплатили счет и немного оставили на чай. Выпячивая надутые, довольные животы, мы вышли, раздавая по дороге пожелания бесчисленным официанткам. Мы улыбались вечеру, ощущая в себе небывалую силу и уверенность, исходящую из нутра.

Была середина лета. Тоня и Женька уже закрыли сессию, а мне через пару дней должны были дать диплом.

Мест, чтобы погулять, у нас практически нет. Мы предпочитаем маршрут по всем крупным улицам: по Кирова до Драмтеатра, там по Metallургов до Строителей и т.д. Таким образом, мы обходили все

достопримечательности нашего города: три кинотеатра, две кофейни, театр Драмы, пятнадцать магазинов одежды, недостроенный торговый центр, металлургический институт, библиотеку и тридцать восемь пивных. Из столь недолгого маршрута можно заключить, что мест для прогулок у нас в городе нет, за исключением трех-четырех улиц.

И конечно, логично предположить, что если у нас нет мест, чтобы гулять, то гуляем по этому маршруту мы не в полном одиночестве. Ирония состоит в том, что мы, двигаясь по названным улицам, встречаем только пьяниц и наркоманов. Хотя в то же время убеждены, что это самый безопасный маршрут, так как все пьяницы и наркоманы обитают на остальных улицах. Получается, либо есть маршруты еще лучше, где гуляет «нормальные» люди, либо «нормальных» людей вовсе нет.

А вечером в нашем городе красиво, особенно когда фонари уже раскалились, а солнце хвостами озаряет все небо. В

такие минуты, подняв голову наверх, кажется, что еще совсем светло, а на самом деле темно - жуть. В тот вечер мы погуляли хорошо. Воздух был чистый, свежий. Было в этом воздухе...

- Есть курить.

Справа от нас, скрестив руки на груди, стоял парень весом килограмм 200. Спросил он очень тихо, даже мурашки побежали по телу.

- Что? - Зачем-то я наклонился к нему ближе.

- Есть курить. - Это был не вопрос, а очень жуткое утверждение шепотом.

- Да. - Протягиваю сигарету и ухожу к чертям.

Оставив шепчущему парню сигарету, мы пошли дальше, к круглосуточному магазину, куда всегда, как светлячки слетаются разные отщепенцы.

- Девочки, красивые, можно у вас сигаретку попросить? - Голос стручкообразного человека становился все тише. Затем он и его друг стали медленно приседать на асфальт.

Подруги, молодцы. Они даже и не думали останавливаться. Тонька успела одернуть Женьку от потока ругательств в адрес парочки.

- Ребята, можно вас на секундочку. – Терпеть не могу такие ситуации. Он сейчас будет заливать, как ему нужны деньги уехать из пункта А в пункт Б, потому что в пункте А его друзья бросили его без денег, и теперь он не может уехать в пункт Б. Каждый раз одно и то же.

- Говори.

- Я из Калтана. Приехал...

Меняется, если я уже говорил, только порядок слов, остальное неизменно.

- У меня, к сожалению, нет денег. – У меня и правда их не было, что там.

- Вообще нисколько? – умоляющим голосом.

- Нет. Нисколько. – Мне показалось хорошим вариантом, вывернуть один карман. Этакое представление.

- Иди ... тогда.

С этими словами мы почувствовали всю злость, которую

сдерживали проходящие мимо люди. На нас устремились взгляды всех присутствующих на общем собрании жителей «ночного города». Возникло ощущение, что мы попали не в ту дверь и вошли на вечеринку, которая уже началась, и список ее членов был точен и полон, и он не включал нас.

Вся злость города обрушивалась на нас. Велосипедист, проезжавший мимо, бросил мне в лицо охапкой листьев, не сказав при этом ни слова. Два мужика били друг другу лица в кровь. Очень расчетливо. Тот, кто бил, всегда оставлял второго на ногах, чтобы бой был честным, чтобы получить удар в ответ. Завидев нас издалека, они остановили поединок, устремили на нас свои окровавленные лица, проводили взглядом и продолжили, когда мы прошли дальше.

Осознав степень этого безумия, мы захотели уехать на такси. Сели в первую попавшуюся машину. Водитель грузин или азербайджанец. Как только мы закрыли за собой двери, подлетели

два земляка нашего водителя и начали объяснять ему, что это их место и т.д. Нам до этого нет никакого дела. Водитель тронулся. Проехали метров сто. За спиной слышались звуки сирены полицейской машины. «Да твою та мать» - я сказал это точно вслух.

Конечно, кроме всего прочего, погуляли мы славно. Мы много говорили о фотографии, живописи, даже политике. И хорошо очень было, легко. Останавливаясь на определенной теме, я ловил себя на мысли, что очень хотел бы заниматься именно этим делом. Хотел бы стать фотографом, художником и даже политиком. Если бы были другие люди, кроме Тони и Женьки, я, быть может, завидовал им в том, что они нашли себя куда больше и лучше. Злился бы на них, за то, что они успешнее и целеустремленнее. С Тоней и Женькой мне было приятно.

5.

После этой прогулки Тоня увидела тот самый сон, в котором каждый из нас

обладал какой-либо сверхспособностью: Тоня бросала исчезающую тряпку, я кидался камнями на веревке, а Женька летала.

Мне в ту ночь, как я уже говорил, тоже приснился сон. Во сне стояла поздняя осень. В моих снах, почему то всегда поздняя осень. Город был еще меньше нашего: несколько пятиэтажек, разбросанных на большом расстоянии друг от друга и огромная больница времен гражданской войны.

Между домами редко стояли деревья, посаженные каким-то чудачком наугад. Глядя на них, становилось не по себе, и в голове возникала отчетливая мысль о том, что «их не должно быть здесь». Не знаю, как это объяснить и с чем связать.

Каким-то чудом мне удавалось видеть все, что происходит в каждом окне пятиэтажек. Совершенно не напрягая зрение, я увидел картины различных человеческих слабостей: мужчина занимался любовью с приятельницей по работе, мать била своего ребенка трубкой

от телефона, два мужика пили водку.

Мы же находились на первом этаже больницы. Старой и обшарпанной больницы. Огромный холл с мраморными полами. Двери и окна заколочены досками. Крыша, на удивление, была сделана полностью из стекла, что так не клеилось с остальной ветхостью здания. Помещение было залито серым, плотным, пасмурным светом, от которого резало глаза.

Рядом со мной сидел старик и, похоже, молился, беззвучно шевеля губами. Остальных я не видел, но могу поклясться, что со мной и стариком был кто-то еще.

Тишину этого крохотного, иллюзорного городка нарушил шум мотора. Автомобиль несся из-за горизонта.

- Они едут! – выкрикнул вдруг старик, сидящий возле меня. – Они нас убьют. Это бандиты.

Вслед за шумом мотора автомобиля потянулись вопли людей в пятиэтажках.

Посмотрев в окна, я видел, как лица, уже знакомые мне, некогда предававшиеся своим порокам, горят заживо. Люди на автомобиле сжигали их, находясь на расстоянии от пятиэтажек. Они колесили вокруг домов, смеялись, а в окнах полыхали тела. Стало страшно и тяжело.

Автомобиль приблизился к больнице. Старик прекратил молитву и навалился на дверь, чтобы удержаться убийц, но тщетно. Резкий толчок отбросил его к стене, и перед нами оказались шестеро.

- Почему вы не убили нас? Также как остальных! – Мне было страшно. Чертовски страшно. В желудке стрекотало, а губы то и дело пробивала дрожь.

- А разве у Вас есть гре-
хи? – передо мной стоял тот саамы
двухсоткилограммовый парень, что
просил сигарету, шепча сквозь зубы

- Да. Как и у всех. – К тому времени,
как я произнес это, до меня дошло, что
они просто не хотят нас убивать. Им

нужно больше.

Уже знакомый велосипедист раздал каждому из бандитов по охапке листьев и прошел первый. Он поднял руку и бросил мне в лицо одну из охапок. Тяжелыми, острыми камнями листья ударили мне в лицо. Потекла кровь. Следом за велосипедистом пошел двухсоткилограммовый. Затем два инородца, которые подходили к таксисту, два наркомана, падающие на асфальт. У каждого была охапка листьев. И каждая била нас в лицо, как грудa камней.

Они не хотели нас убивать. Конечно, мы, как и все, имели грехи, но эти люди карали нас не за них. Им нравилось унижать нас.

Старик упал на колени, прижав ладони к лицу. Двухсоткилограммовый подошел ближе и наклонился к нему:

- Я тебе помогу старик. - Размахнувшись, он ударил ногой старику по горлу.

Старик прохрипел и рухнул замертво.

Я не знаю как долго, право, во сне

время идет по дурному графику, они забрасывали нас листьями. Проснувшись, мне стало очень грустно. Грустно от того, что никто из нас, так ничего им и не ответил.

II

1.

Наша любовь началась в августе. В тот самый день, когда я предложил Тоне пожить вместе. В тот же день, когда я познакомился с Женькой.

Оставшись наедине, мы целовались под августовским солнцем, прощаясь до следующего дня. Тоня сказала, что ей нужно идти сидеть с племянником, обняла меня и отошла к светофору.

В тот самый момент я полюбил ее. Подумать только, прошло уже пятнадцать лет, а я помню, как она шла в сандалях и длинном платье. Помню, что счел ее в тот момент богиней столь древнего и загадочного государства, что историки бьются лбами, споря об одном его существовании. Медленно переходя через дорогу, она останавливала перед собой

машины, словно воды Красного моря.

Если Тоня была богиней, то единственной моей задачей являлось оберегать ее от нашего мира. Следить за тем, чтобы ничто не помешало бы ей являть миру ее красоту и спокойную уверенность царицы.

Я стоял, глядя, как она удаляется в потоке машин, веря, и впервые в своей жизни доподлинно осознавая, что у меня есть предназначение.

Тонина любовь родилась ночью. Она лежала на мокрой от зноя простыне и пыталась удержать мой образ перед глазами. Перед ее взором была сегодняшняя дорога. На другом ее конце я махал Тоне рукой, беззвучно шевеля губами. Она пятилась назад, удаляясь от меня все дальше. «Останься, пожалуйста. Мне будет гораздо лучше, если я буду засыпать с тобой».

Мой образ улыбался ей и шептал, несмотря на расстояние, вдруг необычайно четко: «Засыпай. А завтра мы снова увидимся». Засыпая, она протянула

вперед руку в сторону моего образа.

Опускаясь в сон все глубже, она все больше находила его странным. На самом верху башни она сидит в костюме средневековой принцессы. На этажах внизу слышны голоса матери, отца и тетки. Ей очень хочется спуститься вниз, но она должна ждать. Несмотря на то, что она понимает необходимость заточения и ожидания, ее мучает сомнение относительно того, что за ней никто и никогда не придет. Она будет сидеть здесь вечно, как ей кажется во сне.

Но тут, в момент, когда сомнения почти съели всякую надежду, внизу старой сырой башни послышался новый голос. Тот, которого она никогда не слышала за все свои годы заточения. Затем все слышнее становятся звуки борьбы.

С каждой секундой голоса приближаются и тот, новый голос становится все отчетливее. По очереди она слышит мать, отца и тетку. И вдруг, за несколько секунд до того, как

рыцарь врывается в ее комнату, голоса прекратились вовсе. Стало тихо, но всего на несколько секунд.

Двери ее темницы распахиваются необычайно легко, без каких-либо усилий. Она спрыгивает с кровати и берет за руку принца, что пришел за ней.

Тонино воображение лестно рисует меня облаченным в яркие, сверкающие доспехи. Я улыбаюсь ей, держа за руку. Тоня видит, что все, чего я коснулся пока шел к ней наверх, стало недвижимым: живым, но перешедшим в вечность. Мы бежим из темницы, где Тоня провела всю свою жизнь.

Такой была Тонина любовь. Она сама была автором этих картин. Все эти образы – дело ее рук. Она понимала смысл каждого отдельного действия во сне, каждого движения.

2.

С самого первого дня с Тоней происходили все те же вещи, что и с каждым из нас: ее родители сперва

смотрели на нее, затаив дыхание; потом трепетно дышали на нее с надеждой, что ее путь будет легче и ровнее их собственного, потом дышали на нее с тревогой, когда ее шаги начали отклоняться от задуманных, а после протирали рукавом, чтобы стереть налет самостоятельности. Они дышали друг на друга, а Тоня случайно видела это, и они потом дышали со стыдом в сторону.

Когда оглядываешься назад и думаешь о детстве, ты представляешь его большим, но полым внутри, словно воздушный шар. Мы можем лишь улавливать отдельные оттенки, силуэты, часто не в силах вспомнить детали.

У большинства, детство похоже на похмелье: радостное время от прошедшего веселья, неизменно вызывающее тошноту и головокружение. Это оправдано, если перепробовать ром, водку, текилу, абсент, вино, пиво по одной рюмке – на завтра точно будет похмелье. Чего тогда ожидать от времени, где мы пробуем столько новых

впечатлений?

Тоня же, придя на изобилие детства, вела себя абсолютно иначе. Она помнит каждый отдельно важный момент своего детства и может установить последовательность событий безо всякого труда. Она точно может сказать в каком году и в какой день ей подарили фиолетовое пальто на трех больших пуговицах, и что ей подарил одноклассник на четырнадцатый день рождения. Она прекрасно помнит день, когда впервые к ним в гости приехала тетя, чтобы погостить и жила после этого семнадцать лет.

Стоит ли говорить, что Тоня может с легкостью вспомнить день, когда забралась на родительскую кровать с пригоршней бисера и принялась вязать каральку для своего будущего мужа. Усердно, но с перерывами на Русалочку, она плела каральку и была уверена на все сто, что пройдет много лет и она подарит ее своему принцу. Этот изящный предмет мужского туалета она вложит в руку

своему избраннику и он произнесет что-нибудь очень важное.

Тоня не забывала этот важный день и эту важную каральку ни на минуту. Она всю жизнь искала того, кому могла бы посмотреть в глаза, и нежно, но немного напористо, чтобы избранник ощутил важность ноши, вложить каральку и произнести тихо, отрепетированные слова: «Не потеряй ее».

Остальное то, что я упустил из ее множества воспоминаний, она и сама бы с удовольствием забыла. За исключением, пожалуй, фиолетового пальто, подарка одноклассника и каральки, она отдала бы все свои воспоминания.

3.

Было бы правильно и полезно рассказать больше обо мне и Тоне. Рассказать о том, как, собственно говоря, мы встретились, как решили куда поселиться и что кушаем изо дня в день. Но... Но, давайте лучше представим, что я и Тоня родились в ту самую минуту, ког-

да родилась наша любовь? Это будет не честно по отношению к памяти, но честно по отношению к нервам.

4.

Двери тюремной камеры звонко закрылись и Тоня начала понимать, что происходящее имеет куда более серьезный характер, чем она думала раньше. Взявшись обеими руками за прутья стальной решетки, она еле слышно простонала.

- О! – позади нее произнес женский голос.

Тоня, не оборачиваясь, тихо поздоровалась и, не поднимая головы как ребенок, совершивший проступок, шмыгнула носом.

Все, что она сейчас видела – это стена. Нижняя часть стены была окрашена в синий, а верхняя ободрана до кирпича. Стена, к которой Тоня сама себя приговорила взглядом, имела с ней много общего: она начиналась как красивая и ровная синяя поверхность,

а продолжалась старым кирпичом. Это, кстати, Тонино сравнение. Она мне после заключения, так и сказала: «Я – эта стена. Если глаз не поднимать – красиво все и прекрасно, но если заглянуть вглубь, посмотреть выше, – как и у всех кирпич ободраный».

Я понимаю, что это не правда. Так на нее подействовало заключение, хоть и не долгое. Она сказала, что поняла за это время очень многое. Что именно, не сказала.

Набравшись храбрости и совершенно устав от собственного отражения в стене, Тоня развернулась. Две скамьи из дерева, туалет и окно высоко над скамьей слева – то, что она увидела обернувшись. Так она себе все и представляла.

- Дорогая, ты дорогу не там перешла что ли? – проститутка, сидевшая на правой скамье, отвлекла Тоню от изучения камеры. – Эй, подруга!

- Как тебя зовут? – спросила Тоня.

- Настя. – Отозвалась проститутка.

Она стянула сапог и перевязала наскоро колготы на пальцах, закрывая дыру.

- Ты тут давно? – Тоня волновалась. У нее тряслись руки, как при встрече со звездой.

- Достаточно. – Указав на двух других проституток у окна, добавила, - они недавно.

Две проститутки сидели у грязного окна, прижавшись к решеткам, выкрикивая что-то невразумительное.

- А что они делают? – уточнила Тоня.

- Да хрен их знают. Прилипли и все. Целый день так уже сидят. Их привели утром, они походили минут десять по камере, окошко увидели и к нему так и прилипли. Я думаю, они - дуры. Может еще и на наркоту подсели. В таком деле бывает.

Тоня поняла, что сейчас в этот самый момент она видит первую в своей жизни настоящую проститутку! Это был сон, не иначе. Она мечтала об этой минуте уже многие месяцы и тщетно пыталась их отыскать. Как видится, этот миг настал. Она стоит напротив самой настоящей

проститутки.

- А ты давно в этом деле? – Тоня от волнения затараторила, потирая руки.

- Вопросы у тебя, конечно, дебилские, – потом, чуть сообразив, – так ты пади журналистка? Вот дела. Так это получается мое первое интервью.

Проститутка за несколько секунд надела сапог, поправила волосы и приняла удобную позу для интервью.

- Да ну, ты что. Какая же я журналистка. – Отмахнулась Тоня.

- А че тебе тогда от меня надо? – снова снимая сапог, прошипела проститутка.

- Да ничего... - в растерянности промямлила Тоня. – Просто спросить хотела.

- Спросила? Все, иди. – Носок её колгот не поддавался приличному завязыванию, в прошлый раз она так и не завязала его, надев обувь наспех, и поэтому расстроенная сразу двумя неудачами за день она легла на скамью.

- Ты на меня не обижаешься? – по-доброму проговорила Тоня. – Я ведь, правда, просто спросить. Без зла. Мне как уче-

ному интересно.

- Как ученому? – поднялась на локтях проститутка.

- Ну да! – воодушевилась Тоня. – Я – антрополог. Изучаю.... Да я все подряд изучаю. Сейчас изучаю проституток, как ты! – все так же воодушевленно Тоня указывала на собеседницу пальцем.

- Да пошла ты, овца. – И проститутка отвернулась.

Вот так, судьба сперва преподносит нам встречи, о которых мы мечтаем, а потом легкой рукой отнимает у нас их у нас прямо из-под носа.

Проститутки у окна спорили с такой скоростью, что слов нельзя было разобрать, только повизгивание, похрюкивание и помуркивание, верно в знак согласия.

В камере пахло сыростью. Стены имели очень необычную, а если точнее, непостоянную форму: секунду назад они были от тебя в пяти метрах с обеих сторон, а сейчас едва можно вытянуть руки в стороны. Словно волны они

накатывали, принося все нарастающий запах сырости и плесени. Стены, забрызганные наотмашь чем-то красным, перешептывались.

Всего несколько минут тишины, бурчание проституток у окна не в счет, и Тоне сделалось невыносимо.

- А чем вы занимаетесь? – заговорила она с девушками у окна.

- Мыв ваыва кпулвавл. – ответила одна из них, обернувшись.

- Что? Я ничего не поняла.

- ВЫДВЫПТВЫПВЫ! – прокричала на нее вторая со строгим видом.

Когда проститутки по очереди оборачивались к Тоне, она смогла увидеть часть окна: крохотное, залепленное грязью окошко, вырубленное под самым потолком. Что они пытаются в нем разглядеть и почему спорят постоянно, оставалось загадкой.

Скамья, с которой они глядели в окно, была в нескольких метрах от Тони. Она медленно встала, чтобы ненароком не вызвать вновь их гнева, и тихо подошла

к ним. Проститутка, что отвернулась обиженно от Тони, заинтересовавшись, снова приподнялась на локтях.

Заглядывая девушкам за плечи, Тоня увидела через окно на улице силуэт. Он был до того нечеткий, что ни одежды, ни лица, ни даже пола разглядеть нельзя было.

- Что там? – заинтересовалась обидевшаяся проститутка.

- Сама не знаю. Кто-то стоит прямо под окном, но не видно ничего. – Напрягая глаза, отвечала Тоня.

- Вообще не видно?

- Вообще не видно.

- Ну, кто там, скажи?

- Я же говорю, непонятно! Кто-то стоит точно.

- Щас.

Проститутка села на скамью, ловко влезла в сапог и забралась на лавку, с которой Тоня и еще две проститутки пытались разглядеть хоть что-то в окне.

Отодвинув Тоню, проститутка заглянула ей через плечо и завопила:

- Ну и че тут непонятного! Ясно как день, кто там!

- Кто? – изумилась Тоня.

- Аыввийвдлывивс? - вслед за Тоней изумились две проститутки у самого окна.

Проститутка, явившая озарение, ежесекундно менялась в лице, как видно, то теряя, то находя нить. Тоня начала неосознанно дергать ее за руку в нетерпении.

- Странное дело, - почесала затылок проститутка, - я, как только заглянула туда, сразу поняла, кто это. Но сейчас и не знаю.

- Ну а кто там был-то хоть? – спросила Тоня.

- Забыла. Я же говорю, как только посмотрела, подумала «Черт, так это же...» и забыла кто.

Разочарованная Тоня спустилась со скамьи, напрочь оккупированной проститутками. Она вздохнула.

- Смотри! – крикнула проститутка, - там ОАРУОУЛАУСШУСЬ!

- Что там? – Тоня снова вскочила

на скамью и вглядывалась в окно. В нем виднелось только овальное пятно.

- Вдлапвлымвмы, - проговорила проститутка.

- ФЫАФФАЛАЪЖФЪАЖФДЬ! - по очереди закричали две проститутки, прилипшие к самому окну.

- ваываыаывпарпти... - ответила им первая.

Тоня потеряла всякую надежду, глядя на то, как они спорят. Она не поняла ни слова, и теперь стены давили на нее все больше. Каждый прилив этих бетонных, забрызганных чем-то красным волн оставлял в ней страх и боль.

В отчаянии она начала перебирать все, что случилось с ней за сегодняшний день:

«Я проснулась. Проводила Антона. Убрала за кошкой. Выпила чай. Оделась и пошла гулять. Погода была замечательная, я много фотографировала. Даже получилось снять пьяного парня. Потом спустилась в метро. Там была давка, что-то кричали. Меня еще с двумя

парнями усадили в милицейскую машину и увезли. Вот и весь день».

Через час Тоню выпустят. Хотя этого часа мне едва хватит, чтобы доехать до пункта милиции, для Тони он покажется, верно, большим. Я встречу ее у входа. Дам кофе в большом стакане. Мы пойдем до дома, и за всю дорогу никто из нас ничего не скажет. Я почти не спал в ту ночь, все сидел, писал. Утром страшно обрадовался, когда она поздоровалась со мной и предложила завтрак.

Тоня рассказала, что тогда в камере очень испугалась. Вот только чего - никогда не рассказывала.

5.

Несколько недель спустя, Тоня провожала меня на работу. Я тогда затянул с глажкой, мешал ей спать и бегал по квартире полчаса, потому как очень опаздывал.

Тоня проводила меня и снова уснула. Во сне она была в Италии.

Она бродила по узким улицам,

фотографировала безумолку, ела мороженое и пила кофе. Она была счастлива. Улыбалась своему отражению в витринах лавочек, решала, во сколько ей лучше заняться работой.

Мягкое морское солнце нежно гладило ее по щекам, отчего она закрывала глаза и шла ощупью, давая себе самой возможность получать удовольствие.

Скорее всего, эта была пятница.

Толстенная сеньора тащила за руку двух своих измученных бамбино и ворчала о нота бене, пожилая парочка не могла оторвать друг от друга глаз и все шептала о белиссима, а молоденькая студентка-художница рисовала все это фретта. Среди толчеи улиц Тоня разглядывала банкира в горчичном плаще, плетущегося на работу, домохозяйку, оставившую детей ради продуктового, и делающую при всем вид страшно занятой особы.

Зазевавшись, тетка наткнулась на толстяка, жующего по дороге круассан.

- Скузетте, - пробубнил он.

Птицы стаями кружили над домами, беспокоя жильцов своим криком.

Римские птицы, как потом отметит Тоня, отличаются страшной назойливостью.

Тоня шла уже несколько часов и ровно две пленки для фотоаппарата. Дойдя до моря, она увидела великолепное кафе на берегу. «Чин-чин». Выбрала столик ближе всего к воде и заказала чай. Не переставая, дул теплый ветер.

- Скузи, - сказал престарелый итальянец, по виду адвокат, усаживаясь рядом с Тоней.

- Вы что-то хотели? – предположила Тоня, оглядев пустое кафе.

- Вы знаете, - итальянец бессовестно улыбался.

- Что я знаю? – удивилась Тоня и отпила чай.

- Вы знаете ответ, - поулыбавшись, добавил, - тот, что так страстно ищите.

Тоня помедлила, а затем спросила:

- А почему вы улыбаетесь?

- Как раз это вы прекрасно знае-

те сама, - итальянец на мгновение снял улыбку, отпил Тонин чай и продолжил улыбаться.

- Откуда я могу это знать? - не обратив внимания на чай, доставшийся теперь итальянцу, Тоня продолжала пристально смотреть на этого престранного человека в соломенной шляпе и льняном костюме.

- Вы хотите знать, почему я улыбаюсь? Скажите сначала, почему улыбаетесь вы? - итальянец почувствовал, что взял хороший темп и близок к цели - его улыбка стала еще довольнее.

- А почему бы мне не улыбаться? Я же в Италии. - Усмехнулась Тоня.

- Вот именно! - Эта была победа. Она яркими вспышками горела в глазах итальянца. - Хорошего вам дня. За чай я заплачу.

Тоня сидела за столиком в кафе «Чин-чин». Она ничего не заказывала, да никто этого и не требовал. Она повернулась лицом к морю, закрыла глаза и медленно, несмотря на то, что ветер требовал большего своими порывами,

вдыхала морской воздух.

Когда я пришел с работы, Тоня по-прежнему лежала в кровати. Мне было стыдно за утро, проведенное в беготне, поэтому я первым делом подошел к ней. Увидев ее в кровати, я спросил все ли в порядке.

Тоня в ответ посмотрела на меня. Мне казалось, она проверяет меня, изучает на предмет чего-то очень важного. Когда я улыбнулся, Тоня обняла меня и заплакала.

III

1.

- Италия? Да что с вами, ребята? – Женька напряглась и ожидала ответа.

- Жень, мы же не говорим, что бросай все и отправляемся завтра в Италию жить. Мы, вообще, в принципе, думаем туда переезжать. Нас ничего не держит, вот мы о чем. – Тоня говорила мягко, от нас обоих, сообщая Женьке о нашей идее.

- Не знаю. – Прокрутив дважды чаш-

ку чая на подносе, добавила, - Мне кажется, это глупо. Вы простите, конечно, но чем там лучше-то? Все также.

- Всем. - У Тони горели глаза. Видно было, как она уже заготавливает аргументы, чтобы рассказать Женьке, почему мы хотим и куда. - Там...

Остановив себя на полуслове, Тоня замерла, глядя на официанток. В тот самый момент, когда она говорила о причинах переезда и плюсах Италии, что-то в ней заклинило, иного слова нет. Мы сидели недалеко от места сбора всех официантов. Там была их «база», что ли.

Мы просидели, молча, полчаса. Женька вдруг попросила счет у официанта, и мы также, молча, вышли.

На улице Женька глубоко вдохнула и на несколько секунд прикрыла глаза.

- Приятно смотреть, - улыбнулся я.

- На что? - Женька вздрогнула.

- На тебя. - Нужно было пояснить, - мне просто кажется, что когда мы перестаем чувствовать разницу между помещением и улицей, когда перестаем радо-

ваться воздуху – мы умираем.

- Возможно, - отмахнулась Женька.

Тоня стояла поодаль почти у самой дороги. Она до сих пор была в полусне, так и не договорив о причинах переезда.

- Может, по домам? – отчужденно пробормотала Женька.

2.

Женька посадила нас с Тоней на автобус, а сама решила прогуляться пешком. С самого разговора об Италии, с того момента, как Тоня замерла, Женька беспокойно смотрела по сторонам. Она рассеяно крутила головой, вглядываясь в лица прохожих. Те, замечая на себе Женькин взгляд, делались серьезные и глядели моей подруге прямо в глаза, щурившись. Женька чувствовала в груди сильное жжение.

Девушка с гордостью смотрела каждому, кого встречала на пути.

На этот напор со стороны Женьки, люди реагировали по-разному:

* Мужчина в розовой майке с размаху

толкнул ее плечом;

* Две девушки посмеялись, глядя на Женьку;

* Парень спросил ее телефон;

* Старуха назвала ее ведьмой;

* Женщина лет тридцати фыркнула, отвернувшись.

3.

- Тебе не кажется, что ты видишь во всем только плохое? – отец разделывал лосося, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

- Ну а что я должна сказать? Шла сейчас домой и мне все улыбались и желали доброй ночи? – Женька оскалила зубы и придвинулась вплотную к отцу.

- Перестань, - рассмеялся отец, - не так уж все и плохо.

- Я не говорю, что плохо. – Немного подумав, Женька добавила, - а ты знаешь, что в Германии есть страшно большой музей?

- Да. У меня там коллега был. За весь день не обошел. – Голос отца стал чуть

тише.

- А еще в Соборе Святого Петра особенно пахнет, - задумчиво добавила Женька.

- Ты там была, да? – улыбнулся отец.

Отец высыпал килограмм соли на противень и, раздвинув в серединке ямку, вложил в неё лосося, довольно мурлыкая Бэссаме Муча при всем этом.

- А что мама делает? – спросила отца Женька.

Скривив лицо, отец выдохнул и зашвырнул противень с рыбой в разогретую духовку.

- Иди, посмотри сама. Опять с ума сходит. – Пробубнил он.

Мать медленно ходила по залу, прощупывая воздух вытянутыми перед собой руками. Услышав шаги, она повернулась в сторону дочери.

- Кто здесь?

- Это я. – Безо всякой радости произнесла Женька.

- Женя. – Улыбнулась мать. – Я пытаюсь найти пульт. Скажи, пожалуйста, где

он?

- А почему бы не открыть глаза и не посмотреть самой. - Пробубнила Женька, вкладывая пульт в руку матери.

- Спасибо, Женечка. - Улыбнулась мать, нащупывая кнопку переключения каналов.

Мать стояла с пультом в руке посреди зала. Все столики, комоды и вазы с цветами были наспех перенесены в угол комнаты. Скорее всего, отец помог матери, когда та закрыла глаза. Через плотные синие шторы падал вечерний свет, раскачивая на себе пылинки.

- Женя! - крикнула мать.

- Что?

- Ой! Ты здесь. Я думала, ты ушла уже! - обрадовалась мать. - Скажи мне, а где телевизор?

- Повернись налево на... - Женька рассчитала угол - 40 градусов.

Мать покрутилась, соображая траекторию и минут через пятнадцать нашла телевизор, затем села на диван и дотронулась до Женьки.

- Я знаю, - неожиданно серьезно сказала она Женьки - Знаю, что я была плохой матерью. Возможно, я дала тебе не так много любви, как ты хотела.

- Перестань, - ласково прервала ее Женька, - все в порядке. Я пойду к сестре.

- Да, да, - словно вдруг вспомнив о еще одной дочери, запричитала мать, - проведай ее, да.

3.

Женька проснулась за несколько минут до будильника. На мгновение проскользнула мысль или даже желание, мечта, что на дворе раннее утро, часа четыре не больше. Едва ли прошла минута, после чего будильник вернул Женьку к реальности.

Одновременно со звонком будильника к Женькиной руке привязалась Нить, тянувшаяся от указательного пальца к будильнику. Женька знала, что как только она выключит будильник, Нить протянется в ванную к зубной щетке. Затем к

кофейнику. Потом к шкафу с одеждой, входной двери и через парк к самому ее рабочему столу.

Женька не умела медлить.

Она делала все на лету, играючи, с прекрасным чувством такта, подобно профессиональной балерине. Сейчас, видя как она уже пять минут полощет зубную щетку под краном, мне и самому на секунду показалось, что она ленится. Правда потом, когда она почистила зубы, вытерла полотенцем лицо за считанные секунды, я понял, что это обман. Скорее, она хотела опоздать, но не могла.

Следуя Нити, Женька уже выпила кофе, оделась, вытащив выглаженную одежду из шкафа, вышла из квартиры и прошла через парк, к своему рабочему столу. Рабочий день Женьки начнется через пять минут.

Сегодня до обеда Женьке нужно было разобрать стопку бумаг, разделив по трем отдельным стопкам, позвонить двадцати пяти клиентам и ответить на двенадцать электронных писем.

Так как Женька еще училась, начальник разрешил ей работать полдня. Он не снижал ей за это зарплату, чем вызвал много недовольства со стороны Женькиных коллег. Периодически они устраивали ей, если так можно сказать, «профессиональную темную». Меняли местами ее бумаги, которые она разбирала весь предыдущий день, удаляли что-нибудь с ее компьютера, прекрасно зная какую ценность это несет для Женькиной работы. Или, например, они могли просто подойти к ней во время обеда, когда та собиралась домой и сказать:

- Привет, Жень.

- Здравствуйте, - отвечала та. Все-таки они годились ей в матери.

- Скажи, ты у нас сколько работаешь?
- спрашивали коллеги.

- Ну, полтора года. Да, точно, полтора. - Спокойно отвечала Женька.

- А ты сразу с начальником начала или только потом? - та, что спрашивала, старалась быть серьезной, а остальные за

ее спиной еле сдерживали смех.

- Что начала? Я не понимаю. – Вопросила Женька.

- Да всем ясно, что ты подстилка его. Вот мы и хотим понять, как давно? – теперь уже смеяться начинала и та, что спрашивала.

- Извините, мне нужно на учебу. – Отвечала Женька и быстро уходила.

Она прекрасно понимала, что они злятся на нее из-за режима работы, который ей позволил установить начальник. Ну и что с этого? Что с того, понимает она причину или нет? Да, черт с ними. Так обычно думала она. На мой взгляд, верно.

Женька ответила на последнее электронное письмо, вспоминая коллег с их издевками. После того, как она поставила последнюю галочку в списке сегодняшних дел, Нить исчезла, предоставив Женьке свободу на сегодняшний день. Она появится снова ровно со звонком будильника в 6.50 утра.

- Вы посмотрите, еще часа нет, а у

нее уже Нить пропала. – Ворчала женщина, зашедшая к Женьке в приемную ради ксерокса.

- Хорошего дня. – Улыбнулась Женька и вышла из кабинета.

«И что им только нужно от меня. Чего им неимется!». Женька вышла на крыльцо, и ее подхватил бесконечный водоворот поющих птиц, ветра, шелеста листвы, детского смеха, ссор у соседнего подъезда и солнечного света. Она вспомнила наш разговор после ресторана вчера: необходимо чувствовать разницу между помещением и улицей.

Женька быстрым шагом добралась до дома. В дверях ее встретил запах оторванных обоев и грохот в ванной.

- Привет, Женька, - ответил голос в ванной на Женькин вопрос, все ли в порядке, - я шампунь ищу.

- Ты с закрытыми глазами, что ли, ищешь его? – начала заводиться Женька.

- Конечно! – радостно выкрикнула мать.

Женька включила свет в ванной. Не

то, чтобы она не верила матери, но грохот прекратился.

Женька прошла в комнату к сестре. Та сидела на подоконнике, глядя через окно, как дети играют во дворе. Увидев Женьку, она бросилась ей на шею.

- Женька! Наконец ты пришла! - плача, выдавливала она.

- Что случилось? Ты что плачешь, что ли? - Женька испугалась. В миг у нее защемило сердце и сжалось от одного взгляда на сестру.

- Немного. Я скучала. - Слова давались ей не так хорошо, уж слишком долго она просидела у окна, воображая, как она играет с детьми, как Женька смотрит на нее и улыбается, как кричит ей быть осторожнее, а она, услышав ее, нарочно старается скатиться с самой высокой горки, чтобы сестра поняла, насколько она бестрашна. Поэтому теперь, она, чуть ли не заикаясь, произносила то немногое, что Женьке удавалось вытянуть.

- Я пришла. - Женька немного помедлила и прижала сестру сильнее, глубоко-

ко внутри понимая все, что она пережила за это время.

Они просидели, обнявшись несколько часов. Закрыв глаза, они представляли, что бы сказали друг другу.

Женька в голове прокручивала диалог с сестрой. Устала ли старшая сестра на работе, что она хочет на ближайший день рождения, до которого всего месяц, почему сейчас у нее нет Нити, где ее парень и многое другое.

Приходилось отвечать по очереди, держа в голове все предыдущие вопросы. С работы она не устала, потому что сегодня было не так много дел. На день рождения она хочет новый ноутбук (тут сразу поступил запрос, отдать старый в хорошие маленькие руки).

Нить она хотела обойти, не отвечать на вопрос о ней. Сестра, открыв рот, следила за каждым словом, произнесенным Женькой. Когда она получила ответы на все вопросы, спросила «Это все?». Женька кивнула. «А почему не рассказала про Нить?». Женька

сказала, что родители ей, наверняка, уже тысячу раз рассказывала о Нити и о том, почему она есть в рабочее время, а почему по приходу домой ее не становится.

Сестра отрицательно покачала головой.

Женька выдохнула и начала.

«Нить – это такое изобретение.

Я надеваю колечко на палец, которое запрограммировано на мой распорядок дня. И каждый из этапов дня связан с определенным действием и объектом.

Нить протягивается к каждому объекту по очереди, пока я не выполню действие, связанное с ним. После того, как я выполняю все дела на день, Нить исчезает. Ты поняла?»

Ум семилетней сестры бурлил и напрягался. Она пристально смотрела на Женьку, связывая воедино цепочки головоломки. Подумав еще с минуту, она убрала руку ото рта.

- Поняла. – Подумав еще немного, - а что будет, если ты будешь делать что-то не то?

Женька задавала этот вопрос сама

себе уже тысячу раз. Что будет, если она утром пойдет не к зубной щетке, а к холодильнику? Что случится, если она откроет не платяной шкаф, а ноутбук и будет сидеть за ним до обеда?

- Я не знаю. – Ответила Женька.

- И ты ни разу не пробовала? – удивилась сестра.

- Нет.

Пока Женька и сестра обнимались, малышка тоже прокручивала в голове кинофильмы. Только немного другого рода.

В сестринских мечтах девочки рисовали. Женя зачинала картину, проводя несколько линий на белом листе офисной бумаги, а сестра довершала работу обильными мазками гуаши разных цветов. Они поглядывали друг на друга и улыбались.

4.

Женька проснулась за несколько минут до будильника. На мгновение проскользнула мысль, что на дворе

раннее утро, часа четыре не больше.

Одновременно со звонком будильника к Женькиной руке привязалась Нить, тянувшаяся от указательного пальца к будильнику.

Следуя Нити, Женька почистила зубы, выпила кофе, оделась и вышла на работу.

Вчерашние слова сестры о «другом варианте» ничего в Женьке не задели. Она себя в этом убеждала со всем усердием. Она полагала, что ребенок ничего не может знать о взрослении, о приобретении обязанностей, о необходимости делать многие вещи, руководствуясь Нитью, а не желанием, о возможностях и «вариантах» в принципе. Ей всего лишь семь лет, она и понятия не имеет, что значит ходить, следуя Нити.

5.

Позавчера, когда меня не было дома, Женька заходила к нам в гости. Она знала, что я пишу ее историю и, стораю от нетерпения, заглянула в еще

неоконченные записи. Тоня рассказала, что лицо ее менялось несколько раз. В итоге, закончив читать на абзаце выше, она засмеялась. Мне стало легко и спокойно, когда я узнал о реакции Женьки. Это значит, что все стало куда лучше в ее жизни с того утра, как она брела через парк на работу, размышляя о сестре и ее неправоте.

6.

Нить натягивалась сильнее, и кольцо, что она надела на палец в тот самый день, как устроилась на работу, начало сжиматься все туже, доставляя странную, непривычную боль.

«Я хочу всего лишь присесть на лавочку». Она тянула Нить на себя. «Ничего страшного не случится, если я на несколько минут присяду на лавочку и пойду на работу! Перестань! Мне больно уже! Хватит!»

Женька сжала палец, обхватив его вокруг кольца, с силой дергала в сторону. Нить сопротивлялась и издавала высокий

звук гитарной струны.

«Я просто хочу посидеть! Отстань от меня!»

Еще несколько минут Женькиной борьбы с кольцом и Нитью, и вот телефон уже пищит из кармана. Стало быть, начальник узнал о ее непослушании Нити и звонит узнать, что случилось.

Нить натягивалась все сильнее, и мобильник в такт Нити звонил все громче и громче.

IV

1.

На столик в нашем любимом ресторане падал розовый свет лампы, играла приятная музыка. Мы с Тоней показывали фотографии, сделанные в Италии, наблюдая за доброй завистью подруги. Женька изменила прическу, что нельзя было не заметить, и как всегда купила себе несколько новых кофт. Ее частые смены гардероба заставляли меня испытывать зависть. Эта зависть была несколько странной, потому что я

хотел, чтобы она мне завидовала, ведь я вернулся из Италии, а обилием новых кофт она вызывала зависть у меня. Каламбур, в общем.

На улице в это время царствовала настоящая осень. Она обманом тянула людей на улицу в легкой одежде, где с помощью ледяного ветра, они могли почувствовать собственное нутро. К слову, осенью многое становится обманом. По крайней мере, то, что летом казалось истиной и притом непреложной: солнце, которое переходит к разряду лампочек; светлые дни, длящиеся очень немного; и свобода, присутствие которой умирает вместе с теплой курткой и шарфом.

Посидев немного в ресторане, мы отправились по нашему маршруту: по Кирова до Драмтеатра, там по Metallургов до Строителей и т.д. По дороге меня и Тоню выташнивало от вида гопников, о существовании которых мы успели забыть. У меня, конечно, несколько раз спросили сигарету. С девушками, естественно, несколько раз

хотели познакомиться.

2.

Холод вскрывал куртки и кожу,
оставляя сухожилия костей ежиться.

В тот вечер мы долго гуляли, и когда
настало время торопиться в сторону дома,
Женька схватилась за голову:

- Молоко не купила! – она остано-
вилась посреди дороги. В новой кофте, меж-
ду прочим.

- Ты молодец, конечно, - Тоня посмо-
трела на часы, - давай быстрее.

Лавируя между томными
прохожими, мы продолжали торопиться,
но на этот раз в сторону супермаркета.
По дороге я случайно выхватил глазами
интересного парня. Он шел с компанией:
сам парень, проститутка и трое гопников,
возраста лет восемнадцати, в руках –
«Охота».

Женька слишком долго выбирала
молоко.

- Это же не помада! – возмущалась
Тоня.

В это время ко мне подошел тот парень с «Охотой», и все случилось до остервенения просто.

- Зачем ты мою девушку толкнул? – он приблизился почти вплотную, чтобы не услышала охрана.

- Ты о чем? – ну, мне же 21 годик, нужно было сразу догадаться.

- Ты сейчас, когда заходил, мою девушку толкнул плечом, – он указал на проститутку, шедшую с ним, весившую тонны две. Интересное вышло бы столкновение, будь его слова правдой.

- Я не толкал никого. – Мне очень хотелось уйти, но молоко и мужская гордость держали меня крепко за ноги.

- Ты, в смысле, считаешь, что моя девушка не человек, что ли?

- Слушай, тебе денег нужно? – я не собирался давать этому парню деньги, но правду услышать и кошке приятно.

- Пойдем на улицу, поговорим. – Он озирался по сторонам.

Я до сих пор не представляю, что тогда заставило меня выйти с этим

парнем, проституткой и тремя их друзьями на улицу. Наверное, молоко и мужская гордость. Жертва, которую я чуть не прибил мнимым столкновением, уже курила «Максим», а её спутники что-то решали. Мои подруги вышли на улицу, чему я был несказанно рад.

- Ну, давай говорить, - мой голос чуть слышно дрожал.

- На..., вы так делаете? - парень сильно осмелел после магазина.

- О чем ты? - вопрос и с его и с моей стороны явно тупиковый.

- Мы тут с пацанами порешили...

- Слушай, - Женька стала очень серьезно смотреть парню прямо в глаза, - лучше бы вы нахер шли вместе с парнями.

Наступила тишина. Их подруга, молча, курила и, казалось, не соображала ни грамма, что же происходит.

Трое парней потянулись в карманы курток, а мистер «Охота», испустив предупредительный выкрик, побежал на меня.

- Антон! – крикнула Тоня. Затем, перейдя на шепот:

- В кармане. Посмотри в кармане.

На несколько секунд я растерялся, но очнувшись в решительности, засунул руку в карман. На ощупь там было что-то тяжелое и круглое. Парень бежал на меня, но движения его были медленными. Он словно представлялся мне в кино в замедленной съемке.

- Это камни на веревке! Брось в него!

- Тонин голос был в норме, незамедлен. Получается, медленный был только «Охотник», бегущий на меня.

Я выхватил из кармана камни, привязанные на длинной веревке. Раскрутил над головой и бросил парню в ноги. Камни сработали отменно, и парень уже лежал на земле. Проститутка закричала что-то, но Тонька, достав из сумки кусок тряпки, бросила на нее и испарилась в небытие.

- Хватайтесь за меня, - Женька чуть присела и приготовилась к прыжку. Мы схватились за нее, как детеныши коалы.

Женька прыгнула и взмыла в воздух, таща нас за собой.

По пути в Италию, мы болтали, выяснив, кстати сказать, что каждый из нас, так или иначе, хотел бы побывать в Венеции.

Драма

Завод.

Действующие лица:

Иван – фрезеровщик.

Рита – медсестра санпункта завода.

Анжелика – жена Ивана.

Софья – дочь Ивана.

Рабочий – коллега Ивана.

Сотрудница – заместитель начальника Ивана.

Места действий:

Медпункт.

Средний медицинский кабинет. Перед входом стоит кушетка. Стол. Шкаф с медикаментами. Гардеробный шкаф.

Дом Ивана.

Входная дверь. Небольшой коридор.

Затем зал: диван, возле него столик, напротив телевизор.

Часть 1.

Медпункт.

Иван нерешительно открывает дверь и заглядывает в кабинет медсестры. Рита заполняет карточки.

Иван: Здравствуйте. Можно к вам? (с улыбкой)

Рита: Конечно. Входите. Я через секунду закончу. У вас что-то срочное?

Иван: Не сказать, что прямо срочное. Вы, пожалуйста, не отвлекайтесь. Я подожду.

Иван проходит в кабинет на несколько шагов и садится на край кушетки. Рита ставит точку в последней карточке и откладывает бумаги в сторону.

Рита: Ну, теперь я готова. Что у вас?

Иван: Я, наверное, и не должен был приходить, вы уж простите. У меня голова просто болит очень сильно, таблетки пью, а она хоть ты тресни болит и все! Ничего

не понимаю, что с ней. Я вот и подумал, может, вы что-то посильнее выпишите или может, пью что-то не то, вообще?

Рита: Как болит, что пьете?

Иван: Мне вот жена составила список, что она мне давала за эти дни. (достаёт из кармана бумажку и протягивает Рите) Вот тут написано.

Рита несколько минут с серьёзным лицом изучает названия лекарств и заключает, явно осознав причину недуга.

Рита: (поняла, в чем дело) Это, мягко скажем, не от головы препараты.

Иван: (удивленно) Да что вы? Вот это да. Ну а что мне тогда лучше выпить?

Рита: Я вам сейчас напишу список, что-то из этого купите и пропейте курсом. Должно стать лучше.

Рита составляет список и отдает его Ивану.

Иван: Спасибо вам большое. Обязательно куплю и попью эти таблетки. Спасибо

еще раз.

Иван выходит, Рита в ответ кивает ему головой.

Часть 2.

Дом Ивана.

Иван открывает дверь, чуть повозившись с замком, который заедает и входит в коридор. В зале сидит Анжелика и смотрит телевизор. Софья еще не вернулась. Иван проходит в зал, снимает куртку и садится рядом с женой смотреть телевизор.

Иван: Здравствуй, любимая.

Анжелика: Привет. Как на работе?

Иван: Тяжело сегодня. Новый начальник цеха пришел, так он представляешь, не хочет мне зарплату повышать! Говорит, что у меня показатели для этого низкие. Я ему говорю, какие там показатели, у меня два с лишним плана в месяц выходят. А он ничего. Представляешь?

Анжелика: (не отрываясь от телевизора) Так тебе же обещали повышение зарпла-

ты? Ты мне на прошлой неделе говорил.

Иван: Так обещал то не мой начальник, а Виктор Сергеевич. А Виктора Сергеевича сняли и все, новый не хочет ничего мне повышать. А ведь я ему говорю, ну, новому начальнику, говорю, что всю семью свою кормлю, а ему хоть бы что. Он совсем еще молодой, не понимает таких вещей. Ну, я его не виню за это, придет время и ему придется семью поднимать.

По телевизору раздается залиvistый смех и Анжелика смеется вместе с этим смехом.

Иван: Это что ты такое смотришь?
Интересное что-то, должно быть?

Анжелика: Не знаю. Включила секунду назад, они смеются, ну и мне что-то так смешно стало. (немного подождав, но не меняя ровного тона голоса) Слушай, Вань, а может мне на работу устроится? Я могу в бухгалтерию вернуться.

Иван: Смотри сама. Ну, правда, мне хочется только, чтобы ты счастлива была. Ты как уволилась оттуда, сама

мне постоянно говорила, что счастлива.
Поэтому я и не гоню тебя никуда.
Понимаешь?

Анжелика: Да. Да я сама не знаю, хочу
или не хочу.

Иван: А где Софья? Не пришла еще что
ли?

Анжелика: Она была после учебы и снова
куда-то ушла. Я не спрашивала куда.

Иван: Понял. Пойду, покушаю. Да, устал
что-то, спать, наверное, лягу.

Часть 3.

Медпункт.

Рита снова сидит за бумагами. Не-
сколько минут, она в тишине листает
карточки и делает в них пометки. Дверь
распахивается и рабочий вносит еле
живого Ивана с окровавленной рукой.

Рабочий: Куда его? Ему палец отрубил.

Рита: О, Боже ты мой. Что ж. Так, давайте
его на кушетку. Что случилось?

Рабочий: Да говорю же, палец оторвало ему станком.

Иван: оооооооо...

Рита: Вы, не шевелитесь!

Рабочий: Да ты не переживай! У нас станок новый, он если чекрыжит, то на совесть. И кровь не долго идет! У меня вон уже два раза рубило и ничего. Почти и не было крови.

Рита: Это же экстренный случай! Что вы говорите? Какие два раза? Нужно скорую вызвать!

Рабочий: Да я вам говорю, скоро сама кровь остановится. Ладно, лечите его, а я пойду. (хлопает по плечу Ивана) Выздоровливай. (проходя мимо медсестры, игриво) А я почему к вам ни разу раньше не заходил?

Рита: (окаменевшая смотрит на Ивана, после вопроса рабочего) Что? Я. Я не знаю.

Рабочий: Ладно. Занимайся им тогда. Я потом еще зайду.

Рита подошла к Ивану. Осмотрев рану, она поняла, что кровь и правду остановилась. Убрала тряпку и пошла за йодом к шкафчику с медикаментами.

Иван: Как там палец?

Рита: Лучше, как ни странно. Кровь и правда перестала идти. Как вы себя чувствуете?

Иван: Лучше. А к вам так часто заходят рабочие?

Рита: Нет. Этот какой-то один такой, видимо.

Иван: Ясно. (встает. Смотрит на палец) Это же надо. Прямо точно мезинец отрезало. Ладно, всякое случается. Как ваши бумаги? (показывает на стопку карточек на столе)

Рита: Что? При чем тут.. Вы верно еще в шоке. Такое от травм бывает. Я вам сейчас рану обработаю..

Иван: (перебивает ее) Нет, у меня нет никакого шока. Правда, мне лучше уже. Даже хорошо. Может лишний он был?

С этими словами Иван засмеялся, а Рита находит йод из шкафчика, подходит к Ивану, чтобы обработать рану.

Рита: Что еще за лишний? Вы что? Вы понимаете, что с вами произошло?

Иван: Палец, наверное, да, отрубил. Понимаю. А вы, кстати, симпатичная. Я что-то вчера и не заметил.

Рита: Перестаньте. Давайте, я вам рану обработаю.

Иван: Да, что ж тут обрабатывать-то? Видишь же, нет уже раны. А здорово меня: ХРЯСЬ – и нет пальца. Смешно?

Рита: Ничего смешного в отрубленных пальцах я не вижу. Не мешайте мне работать, пожалуйста.

Иван: Понял.

Рита принялась снова ставить пометки в картах, а Иван принялся весело болтать ногами, сидя на кушетке. Некоторое время они молча занимались каждый своим делом.

Иван: А что ты такое делаешь в этих бумагах?

Рита: Помечаю, у кого, что болит.

Иван: И мой палец тоже, что ли пометила?

Рита: Конечно. Я отметила, что у вас случилась производственная травма, и вы лишились пальца.

Иван: А отметила, что зажил быстро?

Рита: Сейчас отмечу.

Иван: А может не надо? Ну, всякое же бывает, пришел домой, полежал недельку-другую, и он сам зажил. Может и не отмечать, что он прямо тут сразу и зажил?

Рита: А что вам за дело до того, отмечу я или нет?

Иван: Да мне не хочется что-то на работу идти. Полежал бы денек, другой дома...

Рита: Я вас понимаю, конечно. Сама не знаю, как такое быть могло, что зажил за минуту с небольшим. Но я все-таки

помечу эти вещи, на всякий случай.

Иван: Ну и ладно. О! А у вас где тут туалет?

Рита: За умывальником, направо (снова перебирая бумаги).

Иван уходит.

Часть 4.

Дом Ивана.

Иван вновь несколько минут ковыряется в замке. Проходит в зал, садится рядом с Анжеликой смотреть телевизор.

Иван: Привет. Ты не поверишь, что случилось (показывает ладонь, крутит перед лицом жены, не говоря ни слова).

Анжелика: Что это?

Иван: Рука (довольно).

Анжелика: А где мизинец-то? Что случилось?

Иван: Станком отрезало. Я работал, задумался что-то и вот.

Анжелика: Убери его. Фу. Ужасно.

Иван: А чего тут такого? У нас почти все на заводе, как бы это сказать... Кистеперые! Во! Даже у главбуха, среднего пальца нет. Живет же.

Анжелика: Мне противно на него смотреть. Мне без разницы, есть там у вас на заводе пальцы или нет, не хочу смотреть на культю твою.

Иван: Да чего ты привязалась к пальцу этому? Нет и нет.

В комнату входит Софья. С растрепанными волосами и немного пьяная, она обходит журнальный столик, и садиться с краю дивана, возле матери.

Иван: Здравствуй. Что же это ты молча так прошла?

Софья: Привет, точно. Я что-то устала. Посижу с вами, можно?

Анжелика: Сиди, что спрашиваешь.

Софья: Я не у тебя спрашивала.

Иван: Вы чего? Как твои дела?

Софья: Нормально.

Иван: А что покушать есть?

Анжелика: Ничего. Свари себе лапши там, сосисок.

Иван: Хорошо. (направляясь в сторону кухни, разворачивается) А ты не могла сварить перед тем, как я приду? Ты ведь ничего не делаешь весь день.

Анжелика: (разозлилась) Я что? Ничего не делаю? (снова безучастно глядя в телевизор) Да у тебя совести совсем не осталось такое говорить. Я стираю, мою посуду, убираю. Вот кто бы спросил меня, насколько меня все это уже достало...

Свет постепенно гаснет.

Часть 5.

Медпункт.

Рита пьет чай с одной из сотрудниц завода. Дверь кабинета распахивается и рабочий вносит Ивана с тряпкой, прижатой к руке.

Рита: Это шутка что ли? Вы серьезно еще

раз поранились?

Иван с помощью рабочего сел на кушетку, посмотрел, идет ли кровь под тряпкой. Показал рабочему, что все в порядке и тот ушел.

Иван: Я сейчас все объясню. Мне с утра начальник звонит и говорит: выходи-ка, Иван на работу, я, говорит, знаю, что у тебя уже все в порядке.

Рита: (убирает тряпку, чтобы посмотреть идет ли кровь) И вы решили еще один палец себе отрезать что ли?

Иван: Это ты виновата! Я же тебе сказал: не пиши в своих бумажках, что здоров. А ты все равно написала!

Рита: Вы меня не учите, как мою работу делать, ладно? Нужно было написать, вот я и написала!

Иван: Ах, ты какая... Довольна, что теперь у меня еще и второго пальца нет? Довольна?

Рита: Да прекратите вы меня обвинять! Что с вами такое? За таблеткой когда

зашли, я и подумать не могла, что вы такой. А теперь каждый день все и делаете, что пальцы себе рубите!

Иван: Да перестань. Ты же мне специально вчера бумажки свои заполнила, чтобы на работу сегодня отправить. Теперь выделываешься, что не причем. У меня, между прочим, точно из-за тебя сегодня палец отрезало! Что мне теперь делать-то без него?

Рита: Не знаю...

Сотрудница завода прокашлялась, и Иван посмотрел на нее. Рита отошла к шкафчику с медикаментами за йодом и остановилась, в поисках лекарства.

Сотрудница: А что вы кипятитесь? Почему кричите тут?

Иван: Ваше какое дело? Вы сидите себе, пейте чай. Нечего в разговоры чужие лезть!

Сотрудница: Да как вы со мной разговариваете? Вы с женой со своей будете так разговаривать, понятно?

Иван: Ух, какая! Ты уже и в семью ко мне полезла, да? Стервозина какая, а.

Сотрудница: Знаете, что? Я сейчас пойду и доложу о вашем поведении. Я помню, вы повышения зарплаты просили? Так вот не видать вам его, ясно?

Иван: А ты с каких пор решаешь тут чего мне видать, а чего нет?

Сотрудница: Я вообще-то заместитель начальника вашего! Это как раз мне и решать!

Иван: Ты мне надоела уже. Брысь отсюда!

Иван хватается за руку сотрудницу и выталкивает из кабинета.

Сотрудница: Да как вы смеете? Да что вы.. Что вы себе позволяете?

Иван: (выталкивая из кабинета и закрывая за ней дверь) Брысь. Все, уходи, давай.

Иван отходит от двери и снова садиться на кушетку.

Иван: Фуууф, назойливая какая баба. А

ты чего там застыла-то? Будешь мне палец обрабатывать или что?

Рита, стоявшая все это время спиной к сцене, начинает тихонько плакать.

Иван: Ты чего? Плачешь?

Рита поворачивается и начинает плакать еще сильнее, садясь за свой стол, заставленный еще большим количеством бумаг.

Рита: (сквозь слезы) Чего вам надо от меня, а? вы сами еще не устали от себя? Приходите, всех оскорбляете.

Иван: (подходит к Рите и обнимает ее за плечи) Ну... Ты чего? Перестань плакать. Я ж тебя не со зла. Ну, подумаешь, выставил дуру из кабинета, ну че плакать-то?

Рита: Вы, наверное, правда, не понимаете, да?

Иван: Да понимаю я все. Успокойся, не плачь.

Иван начинает гладить ее по воло-

сам, приговаривая, что ей не нужно плакать.

Рита: Вы что такое делаете?

Иван: Я? Да ничего, в общем-то. Успокоить пытаюсь тебя.

Рита: Уберите руки, пожалуйста.

Иван: Ты что думаешь, я поверю, что к тебе вот так никто не захаживает?

Рита: Вы на что намекаете?

Иван: Да я знаю все, будешь ты мне сейчас рассказывать.

Рита: Да что вы знаете? Уберите от меня руки, я вам сказал!

Иван: (игриво) Или не убирать?

Рита: (встает из-за стола, отталкивая Ивана) Уберите. И уходи сами.

Иван: А куда мне идти-то? У меня же палец отрезало, а вы, вроде доктор у нас. Так что мне нужна ваша помощь!

Иван ложиться на кушетку, вытянув руку без пальцев в сторону

Риты, а здоровой закрыв лицо, подражая больным.

Иван: Лечите меня, доктор! Лечите же, наконец!

Рита: Убирайтесь. У вас кровь остановилась. А если силы есть издеваться надо мной, значит, совсем вы поправились. Идите домой, к жене, выспитесь там...

Иван: Да не хочу я к жене. А к тебе можно домой? Ты до сколько сегодня работаешь?

Рита: Убирайтесь. Я же могу и охрану вызвать.

Иван: Да что мне твоя охрана. Давай лучше познакомимся поближе, а?

Рита: Нет, не давай. (немного подумав)
А давайте, я вам лучше скорую вызову?
Они-то вас отвезут куда скажете, и сколько захотите с вами будут дружить.
Давайте?

Иван: О, что выдумала! Ладно, раз ты уже пугать вздумала, пойду тогда домой.

Рита: Вот и хорошо!

Часть 6.

Дом Ивана.

Иван ковыряется в замке еще дольше. По телевизору идет фильм о любви и наступает момент, когда героиня признается в любви своей возлюбленной. Иван в этот момент замирает с той стороны двери. Прислушивается несколько минут. Потом резким рывком открывает дверь.

Иван: Ах, так!!

Бежит в зал, где жена смотрит телевизор.

Иван: Это что еще такое, а?

Анжелика: Ты о чем? (в это время переключает канал)

Иван: Я слышал тут мужской голос. Это что еще значит?

Анжелика: Не понимаю тебя.

Иван: Да все ты прекрасно понимаешь. Вот почему ты с работы значит ушла... И

часто к тебе мужчины приходят?

Анжелика: Ну, бывает, приходят.

Иван: Я так и думал. Вот, не поверишь, шел с работы и так и думал сегодня! Думаю, не верна мне, наверное, жена, раз так хочет дома весь день сидеть!

Анжелика: Не верна? Ты про что?

Иван: Ну, ты сама ведь сказала, что мужики к тебе заглядывают? Так ведь? Сама же призналась только что!

Анжелика: Ну, приходят.

Иван: Ну, так. Теперь все яснее.
(отворачивается и уходит)

Иван начинает ходить по комнате, бубня про себя что-то. Так он ходит минут десять, после чего, разворачивается, и уходит из комнаты.

Анжелика: Ты куда пошел-то?

Иван: Я есть пошел.

Анжелика: Вернись, я поговорить хочу.

Иван возвращается с жареной кури-

цей в руке.

Иван: Что тебе?

Анжелика: Что с тобой происходит?

Иван: Что? Тебе что-то не нравится?

Мужик твой лучше?

Анжелика: Причем тут мой мужик, мы о тебе разговариваем.

Иван: А не нужно обо мне разговаривать. Ясно тебе, тварь?

Анжелика: Что?

Иван: Чего ты чтокаешь? Сколько ты уже дома сидишь? Два, три года?

Анжелика: Вообще-то, год.

Иван: Для меня, как двадцать. Я каждый день прихожу, а ты в одной и той же позе перед телевизором. Тебе не надоело еще? Ты сама себе не надоела еще?

Анжелика: (дотрагивается до его руки)
Вань.

Иван: Не трогай ты меня! (отскакивает и бросает курицу на пол) Чего тебе

еще нужно? А? Деньги ты у меня все забираешь. И что толку? Ты себе телевизор новый покупаешь, туфли. На кой хрен тебе эти туфли, если ты целый день дома сидишь? До чего же ты меня достала уже.

Анжелика: От тебя я не ожидала такого, это точно.

Часть 7.

Медпункт.

Рита переписывает бумаги. Входит сотрудница.

Сотрудница: Можно к тебе, Риточка?

Рита: Конечно, входите.

Сотрудница: Я тут к тебе по поводу нашего Ивана.

Рита: (обижено) Никакого не «нашего».

Сотрудница: Ладно, не злись. Я что хотела сказать, ты как считаешь, его вообще стоит до работы допускать?

Рита: А что такое?

Сотрудница: Ну, мы тут подумали, может, ты напишешь бумажку, отправишь его к специалистам. Они там посмотрят и скажут, может он и нетрудоспособен.

Рита: А почему я?

Сотрудница: Мы с ним связываться не хотим. А ты вроде общаешься.

Рита: Не общаюсь я с ним, с чего вы взяли! Это директор так сказал или вы?

Сотрудница: Я. Думала, как лучше. Ладно, зайду еще попозже тогда.

Сотрудница уходит. Рита через некоторое время тоже уходит. Пустой кабинет. Дверь спокойно открывается. Входит Иван, прижимая палец тряпкой. Оглядывается. Понимает, что никого нет. Ложиться на кушетку спокойно и насвистывает песню.

Входит сотрудница завода.

Сотрудница: А где Рита?

Иван: Сам, как видишь, жду.

Сотрудница: Понятно. (смотрит на тряпку и руку) А вы же вчера здесь были с этим пальцем уже?

Иван: Нет. Я был с мизинцем, безымянным, а сегодня со средним.

Сотрудница: Снова отрезали что ли?

Иван: Да. Тут уже ничего не поделаешь, судьба видать такая.

Сотрудница: (немного подумав) Я поняла.

Иван: Что?

Сотрудница: Вы специально себе пальцы отрезаете каждый день, чтобы вам прибавку дали. Как это противно...

Иван: Я не специально...

Сотрудница: Мерзкую вы выбрали тактику... Между прочим, от имени вашего начальника, официально объявляю вам, что никакой прибавки вы не получите.

Иван: Хорошо..

Сотрудница: Так просто соглашаетесь? Вы вчера меня тут чуть было не избили, а сегодня строите из себя больного какого-то!

Иван: Я не строю ничего.

Сотрудница: Так, а почему не спорите тогда, тварью не обзываете, не пытаетесь выбить из меня прибавку?

Иван: Не знаю. Прибавку, конечно, хочется, но что-то совсем не хочется требовать чего-то.

Сотрудница: Ну и странный же вы человек.

Иван: Да что странного-то? Ну не хочу я с вами спорить. Черт с этим повышением.

Входит Рита. Видит, что Иван снова с тряпкой на руке.

Рита: Вы издеваетесь надо мной что ли?

Иван: Ну, вот так.

Рита: Знаете что, я запишу вас на прием к специалисту нашему с завода.

Иван: Какому еще специалисту?

Рита: Мне кажется, с таким травматизмом вам лучше не работать. Хотя, не мне судить. На прием запишу, а вот специалист уже и решит. Согласны?

Иван: Ладно. Записывайте.

Рита: Я думала, вы меня задушите или пригрозите чем-нибудь...

Сотрудница: Вот и я удивляюсь ему! Вдруг спокойный такой стал. Податливый.

Рита: Вы как себя чувствуете?

Иван: Нормально. Может, я домой пойду лучше?

Рита: Да, конечно, идите.

Часть 8.

Дом Ивана.

Иван пытается открыть замок, но у него не получается. Он звонит в дверь. Анжелика идет открывать, явно удивленная ситуацией.

Анжелика: Кто там?

Иван: Да это я.

Анжелика: А чего ты звонишь, ключей, что ли, нет?

Иван: Открывай уже.

Анжелика открывает дверь и видит, что у него нет еще одного пальца.

Анжелика: А с пальцами опять что?

Иван: Снова резалкой этой отняло.

Анжелика: мда...

Анжелика идет в зал и садиться перед телевизором. Иван проходит за ней, и садиться рядом.

Анжелика: Ты замок почини, раз уже совсем заедать стал.

Иван: Да, надо бы. Что сегодня показывают?

Анжелика: Да как обычно.

Некоторое время они молча смотрят телевизор. Идут новости. Анжелика

внимательно слушает о событиях в Москве, Риме, Польше, Новой Зеландии, на Филлипинах. Переключает на фильм. Потом на ток-шоу. Затем, Анжелика встает и начинает ходить по комнате.

Анжелика: Я ухожу. Давай разведемся?

Иван: Давай, раз хочешь.

Анжелика: И ты что даже не спросишь почему? Спорить даже не будешь?

Иван: Знаешь, как-то не хочется.

Анжелика: Вот. Я об этом все время и думаю. Тебе на меня плевать. Ты весь день только и делаешь, что работаешь. Знаешь, это хорошо, конечно. Вон, у нас дочь учиться за твой счет, телевизор мне купил новый. Но тебе на меня плевать совершенно. А знаешь, проблема даже в том, что ты сам себя не уважаешь! Мужик нормальный, который себя уважает не стал бы так, как ты сейчас «давай»(переигрывая), он бы взял меня за руку и дал бы в морду! А ты сидишь и молчишь.

Иван: Знаешь, просто я...

Анжелика: Что? Вот только давай не будем сейчас рассказывать, как тебе все вокруг важно и что ты для всех стараешься!

Иван: Не будем.

Анжелика: Да что ж ты соглашаешься-то со всем! У тебя мнения своего вообще не осталось что ли?

Иван: Ну, значит не осталось.

Анжелика: Да что с тобой стало... Ты ведь и мужик такой прям хороший был: работал и семью все поднять хотел. А сейчас, посмотри на себя. Ну, на кого ты похож!

Иван молча слушает Анжелику. Сам все время смотрит только на свою ладонь без трех пальцев.

Анжелика: В общем так, я уйду.

Иван: Я понял.

Часть 9.

Медпункт.

Рита сидит за бумагами, открывается кабинет и молча входит Иван.

Рита: Господи Боже мой, вы что СНОВА пальцы себе рубили?

Иван: Нет. Я поговорить пришел.

Рита: Ох, напугали вы меня, конечно. Давайте, что у вас?

Иван: Пришей мне пальцы.

Рита: Не поняла..

Иван: Пришей мне пальцы, говорю!

Рита: Но я не могу, их же станком вашим отрезало..

Иван: Ну, сделай хоть что-то.. Ты же врач.

Рита: (встает из-за стола и ходит по комнате) Что бы...

Несколько минут она напряженно думает над тем, что можно было бы сделать с пальцами Ивана. Потом, стряхивает головой.

Рита: Да что я делаю. Иван, я ничего не могу сделать с пальцами вашими, правда. Это невозможно.

Иван: Все возможно.

Рита: Я же понимаю, что вам не просто пришлось. День за днем несчастные случаи такие... Вы меня простите, я должна была себя как-то терпимее, что ли, вести. Не срываться на вас... Просто, я испугалась. Да, наверное, так и есть. Тут же что, серьезнее ушибов да коликов ничего не случилось еще на заводе за то время, что я работаю.

Иван молча сидит, глядя перед собой.

Рита: Вы в порядке?

Иван молчит в ответ.

Рита: Может, вам выписать больничный на денек-другой? Напишу, что у вас раны закровили или еще что-то? Давайте?

Иван: (Через несколько секунд смотрит в сторону Риты) Что? Нет, я работать пойду.

Иван уходит. Свет постепенно гаснет.

Часть 10.

Медпункт.

За столом сидят сотрудница завода и Рита. Пьют чай.

Сотрудница: Мы решили уволить его.

Рита: Кого уволить?

Сотрудница: Ну, этого, больного, который все пальцы в станок сует.

Рита: Ивана что ли? Может его лучше в отпуск? Ну, бывает ведь со всеми такое.

Сотрудница: Нееееет, он прямо больной. Знаешь, он вот как этих пальцев своих лишился, так помутился сразу. Ага. Он как смотрит на меня, так мне Душу хочется Богу отдать. Страсть-то какая. А еще, слышала, он в туалетах какие-то рисунки рисовал!

Рита: Какие еще рисунки?

Сотрудница: Черти знает, чего он там

рисовал. Может бесов своих там, или еще чего.

Рита: И кто такое сказал? Людмила, наверное?

Сотрудница: А ты откуда узнала? Она тебе тоже рассказывала?

Рита: Да врет она все.

Сотрудница: Ты что! Она даже показывала фотографии, на телефон свой снимала! Не врет, я тебе говорю.

Рита: Сама их и нарисовала. Потом сфотографировала и тебя дурит.

Сотрудница: Нет. Я ей верю. Он и правда может. Он же больной совсем! Помнишь, как он на меня набросился? Вот и я тебе говорю - больной.

Дверь распахивается, и рабочий вносит Ивана. Он бледен и шевелит губами. Рабочий его на кушетку. К обеим рукам Ивана прижаты тряпки.

Рита: Что случилось? Что... Что это?
(смотрит на тряпки в крови у обеих рук)

Ивана).

Рабочий: Ой, и не знаю, моя хорошая.

Сотрудница: Что значит, не знаю? Что значит... Что произошло?! Отвечай!

Рабочий: Эх... Ну че произошло: кончилась смена, я пошел переодеваться. Смотрю, Иван у станка что-то делает, кричу «Пойдем, Ванька, домой!». Он обернулся ко мне, бледнющий как смерть и губами вот так же шевелит, стоит. Я испугался. Иной раз перед толпой не испугаюсь, а тут, честно, аж вспотел. А ближе к нему как подошел, смотрю, а он руки свои в машину это, в гадину, сует да губами своими проклятыми шевелит! Вот приволок, черта, к вам. Смотрите, сделайте, что хотите. Я домой пошел.

Сотрудница: Как домой? Протокол нужно составить. Вы никуда теперь не пойдете, пока с бумагами не разберемся. Пойдемте со мной. (пошла к выходу)

Рабочий: Из-за тебя все. (толкает ногой Ивана, тот переводит застывший взгляд на него и продолжает шевелить губами).

Тьфу на тебя, дьявол.

Рита: Сначала пусть до дома проводит Ивана! Он же сам не дойдет. Кровь уже не бежит совсем.

Рабочий: Да ну тебя! Никуда я его не потащу! Мне делать, что ли, нечего больше!

Сотрудница: Несите его, несите. Иначе зарплаты вас лишат за месяц.

Рабочий: (берет Ивана под руку и выходит, матерясь) Да чтоб тебя.

Часть 11.

Вход в заводское здание.

Рабочий выводит Ивана за ворота. Садит его на землю.

Рабочий: Слушай, давай, я сначала разберусь с этим протоколом и остальным, а потом тебя заберу и отведу домой. Ладно? Нам все равно в одну сторону домой.

Иван в ответ шевелит губами и смотрит перед собой.

Рабочий: (уходит обратно в завод) Все равно ничего

не понимаешь, посидишь, ничего.

Иван сидит на земле около заводских ворот. Ничего не происходит, он сидит так несколько минут и свет постепенно начинает гаснуть.

Серов А.В.
2013 г.